

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Нина Стожкова

САНАТОРИЙ ИМЕНИ ЛЕНИНА

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО
ВОЗВРАЩАЮТСЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Нина Стожкова
Санаторий имени Ленина
Серия «Длинный список 2020-го
года Премии «Электронная буква»»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42344243
SelfPub;*

Аннотация

Лина Томашевская приезжает на отдых в санаторий имени Ленина и словно попадает на машине времени в прошлое. Вскоре она становится свидетелем странной смерти московского журналиста и начинает понимать, что это тихое, на первый взгляд, место хранит страшные тайны. В девяностые здесь работала подпольная сауна «Черная роза», в которой бесследно исчезали юные девушки. Лина и ее верный приятель Башмачков начинают опасное расследование, нити которого тянутся в столицу. Все герои книги вымышленные, все совпадения случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Портал в прошлое	4
Озеро с двойным дном	15
Валерьяново-бромовые технологии	21
Явление бабы Зои	28
Куда привел «Светлый путь»	30
«Босоногий мальчик»	35
Бабушки знают все	39
Операция «Внедрение»	42
Прошлое под запретом	48
Танцы до упаду	55
Перестройка бабы Зои	64
Интернет знает не все	66
Прямая связь с небесами	68
Правнучка хана	75
Пенсия раздора	82
Бизнес по-деревенски	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Портал в прошлое

«А за окном то дождь, то снег...» – медовый голос певицы из далеких шестидесятых завораживал, убаюкивал, окутывал покоем и негой... Песни Майи Кристалинской, Гелены Великановой, Эдиты Пьехи, словно облака, плыли над Аллеей писателей.

Лина пристроилась на лавочке возле гипсового бюста Байрона, щедро покрытого серебряной краской. Над спелой грушей, которую она сжимала в руке, жужжала оса, над сиреневыми и розовыми флоксами порхали нарядные бабочки.

«Как хорошо, что нет ни дождя, ни снега! – подумала Лина. – Наоборот, отличная июльская погода, тишина, свежий воздух и лечебная вода из местных минеральных источников. Даже бонус есть: вай-фай на аллее отлично ловится. Ну просто рай на земле! И пусть этот провинциальный «рай» изрядно потрепан и давно нуждается в капитальном ремонте, не имеет значения! Гораздо важнее, что в этой глухомани можно полностью отрешиться от столичной суеты, подлечиться и отдохнуть. Главное, можно какое-то время не думать про запутанные отношения с Башмачковым».

Лина вздохнула, вспомнив высокую, немного нескладную фигуру приятеля, его ярко-голубые глаза и бархатный тембр голоса. Вот ведь досада! Не думать не получается. Так ведь и заскучать недолго. Нет, тоска решительно не входит в ее

курортные планы.

Лина разозлилась на себя и свирепо откусила грушу. Блин! Медовый сок брызнул на белый сарафан. Вскоре уже две осы составили Лине компанию на Аллее писателей. Она назвала их «Пушкин» и «Лермонтов» и безжалостно прихлопнула плотно свернутой местной газетой. В общем, осы разделили судьбы своих великих тезок, тоже погибших во цвете лет и увековеченных в посеребренном гипсе на Алее писателей.

В этой «глухомани» была своя изюминка и, пожалуй, даже прелесть. Санаторий имени Ленина чудом сохранил свой облик с подзабытых советских времен и выглядел таким «совковым» артефактом. Однако главным было не это. Роскошная природа тоже, как это ни удивительно, устояла под натиском нового времени. Таких бескрайних просторов и столь прекрасных панорамных видов, как в этом медвежьем углу, в Подмосковье давно уже не найти. В столичных пригородах линия горизонта давно застроена многоэтажками и огромными сараями логистических складов. А здесь, на тульских и калужских землях, подобных красот оказалось столько, что памяти в телефоне не хватило бы зафоткать все здешние роскошные пейзажи. Лина вспомнила вчерашнюю прогулку в лес и внезапно без всякой иронии и пафоса подумала о том, как прекрасна Родина.

А ведь еще три дня назад она хотела рвануть обратно в Москву прямо в день приезда. Острое желание сбежать из

«совка» в ХХI век появилось сразу же, едва Лина взглянула в номере на подтекавшие трубы в ванной, ржавый поддон в душе, свисавшие ключьями обои, обшарпанный линолеум в коридоре и прочие «прелести» быта в этом заповеднике советского прошлого. Главным неприятным сюрпризом стало даже не это. По приезде оказалось, что одноместных номеров здесь в принципе нет. Даже с доплатой. Перспектива оказаться в одной комнате с чужой больной старушкой была не из приятных. И все же, узнав эту новость в администрации санатория, Лина заставила себя мысленно сосчитать до десяти и постепенно остыла. Вспомнила про увесистый чемодан, долгий обратный путь с перепрыгиванием из автобуса в электричку, а также о потраченных на путевку деньгах, которые вряд ли удастся вернуть полностью. Еще она подумала о том, что в сентябре предстоит снова приступить к работе в детской студии, хозяйкой которой она является, значит, следующего отпуска не видать еще год. В общем, Лина решила не горячиться, пожить в санатории несколько дней, осмотреться, а потом уже думать, что делать дальше.

В итоге все сложилось так, как и предсказывала санаторная докторша Каролина Арнольдовна:

– Не торопитесь с выводами, Ангелина Викторовна! Расслабьтесь! Подышите нашим целебным воздухом в липовой роще, походите на процедуры, на массаж, поплавайте в бассейне – и вскоре, вот увидите, ваш отдых предстанет совершенно в другом свете. Вы, москвичи, всегда приезжаете к

нам раздраженными, с выпущенными, как у ежеиков, иголками. Все вам, бедняжкам, у нас, не так, все не этак. В первый же день собираетесь писать жалобы на имя губернатора Тулы и мэра Москвы, случается, даже самому президенту грозитесь кляузу настрочить. Мы обычно уговариваем столичных гостей повременить со столь решительными действиями хотя бы сутки. И что вы думаете? Назавтра наших пациентов не узнать! Они уже не ежики, а зайчики, точнее, беззаботные бабочки. Порхают по территории, интересуются исключительно собственным здоровьем, экскурсиями и местными сувенирами. Морозят в холодильниках грибы и ягоды, сушат на балконах лечебные травы. Мы закрываем на это глаза, хотя официально все эти самодеятельные заготовки в санатории запрещены во избежание отравлений и нашествия тараканов. Уверяю вас, никакого гипноза! Просто жизнь без стрессов на свежем воздухе нормализует артериальное давление даже у хронических гипертоников. У диабетиков со стажем падает глюкоза в крови, у бывалых гастритчиков исчезает изжога, даже у артрозников суставы перестают болеть! В общем – обыкновенное чудо, или как сейчас модно говорить, оксюморон. Уверена, вам у нас тоже понравится. Жду вас ко мне на прием через три дня со всеми анализами и непременно в хорошем настроении.

Уже назавтра оказалось, что докторша была права. Лина словно попила здесь живой водицы (местная минералка вполне годилась на эту роль) и вскоре (о чудо!) увидела

все совершенно в другом свете. Гипсовые бюсты писателей, выкрашенные серебряной краской, уже не казались верхом безвкусицы. Наоборот, серебряные Шиллер, Горький и другие классики выглядели довольно милыми, готовыми одним своим видом просвещать отдыхающих и нести культуру в массы. Гипсовый памятник Ленину постепенно стал казаться не безвкусной совковой пропагандой, а безобидным пост-модернистским артефактом в стиле ретро. А что? Стоит себе Ильич перед лечебным корпусом, указывает рукой дорогу к ваннам и физиотерапевтам и никому не мешает. Дети фоткаются с ним ради прикола, а взрослые не обращают никакого внимания. Одним словом, Лина внезапно почувствовала себя в машине времени, которая перенесла ее на тридцать назад. И пусть в советском прошлом было много недостатков, например, избыток неуклюжей пропаганды, и, главное, не столь комфортно, как в XXI веке, зато там она почувствовала себя спокойнее и безопаснее, чем в нынешнюю сумасшедшую эпоху.

– Да-да, спокойнее и безопаснее! – сказала Лина вслух.

Ей почудилось, будто «серебряный» Максим Горький закашлялся и лукаво улыбнулся в гипсовые усы.

Отдыхающих в санатории можно было разделить на две неравные группы. Одни, их было немного, приобрели, как Лина, путевки за собственные деньги, соблазнившись красивыми фотографиями и умеренными ценами на сайте санатория. Другие, таких было большинство, приехали сюда

из Москвы по социальным путевкам. Лина с изумлением узнала, что в соцзащите нынешним летом путевки раздавали всем желающим пенсионерам и инвалидам. Причиной такой неслыханной щедрости оказались грядущие выборы столичного мэра, на которые руководство города собиралось призвать весь социально защищенный электорат. Словом, в первый же день пребывания в этом заведении Лина с тоской убедилась, что основной контингент Санатория имени Ленина – пенсионеры возраста 60+ и инвалиды, в том числе инвалиды-колясочники.

«Да, это явно не Турция с нашими веселыми, вечно хмельными соотечественниками, здоровыми, как спортсмены-пятиборцы, с корпулентными дейнековскими физкультурницами, беззаботно заплывающими за буйки и жарящимися на солнце до пунцовых ожогов», – думала Лина, расправляясь с грушей под недовольное жужжание новых крылатых «классиков».

Она прихлопнула газетой «Байрона» и продолжала рассуждать дальше:

«Зато здесь, в старинном липовом парке, всегда прохладно, в бассейне люди не толкаются на дорожках, а в столовой не безобразно калорийный шведский стол, а суровое диетическое питание, на котором можно легко скинуть пару килограммчиков».

Лина подняла глаза от груши и уперлась взглядом в молодого парня. Он явно не вписывался своим модным «при-

кидом» в льготную категорию отдыхающих. Дорогие кроссовки, фирменная рубашка-поло, модные джинсы, небрежно порванные в районе коленок, конский хвостик на макушке, искусно подстриженные виски и борода. Молодой человек с внешностью столичного хипстера сидел на скамейке напротив Лины и, казалось, совершенно не скучал в этом бюджетно-пенсионерском рае. Парень не стучал по клавишам айфона и не рассматривал в нем фотки, а спокойно сидел напротив Лины и читал толстую книжку. Словом, вел себя так, словно был не столичным мажором, а пожилым отдыхающим, чья история болезни по объему схожа с этой книгой.

Интересно, что привело его сюда? Молодой человек явно не выглядел инвалидом, ни тем более пенсионером. Неужто он приехал в эту провинциальную «богадельню» за свои деньги? Если да, то зачем? Хороший вопрос... Здоровым и молодым тут делать нечего. Впрочем, молодые разные бывают. Встречаются и чудaki, и оригиналы... А, может быть, все намного проще. К примеру, парня замучил банальный гастрит или радикулит, и он решил срочно подлечиться на родине, чтобы не оформлять визу, например, в Карловы Вары и не ставить в известность начальство, потому как, по всему видно, человек работает на «удаленке». Или, например, у этого мажора временные финансовые трудности и нет денег на отдых за границей... Все версии выглядели вполне правдоподобно. Потеряв интерес к незнакомцу, Лина поднялась

со скамейки, размяла затекшие ноги и отправилась на разведку в лечебный корпус.

В ванном отделении ее встретила солидная очередь, из которой медсестра то и дело выдергивала пациентов, называя номера кабин. Лина уселась в холле с книжкой, настроившись на долгое чтение. Однако почитать не удалось.

– Представляете, – раздался над ухом тихий старческий голос, – дамы в наше время окончательно стыд потеряли.

Лина подняла глаза. Перед ней стоял тщедушный пожилой мужчина. Видавшие виды брюки на незнакомце были тщательно отутюжены, а слегка выцветшая старомодная рубашка тоже отглажена и застегнута под горло. Старичка сжигал праведный гнев, и он спешил поделиться впечатлением:

– Тут одна дамочка набрала лечебных ванн на все части тела и, чтобы быстрее перепрыгивать из одной ванны в другую, решила вообще не одеваться. Дама, кстати сказать, очень корпулентная, – продолжал худенький мужчина – Я прямо-таки оторопел, когда передо мной мелькнула огромная розовая ж@па... а дамочке – хоть бы хны! Хихикала и лишь прикрывала срамные места руками. Представляете?! Плюхнулась, как водяная нимфа, в бывшую мою ванну, которую для нее только-только помыли и пока что наполняли водой, а я минуту назад только вылез и не торопясь одевался. Слушайте, эта бесстыдница обдала меня брызгами с ног до головы и даже не извинилась. Между прочим, медсестра ей кричала, что в кабинке еще находится мужчина, то есть я.

Лина не удержалась и прыснула, представив эту сцену.

– Не нахожу ничего смешного, – обиженно заявил старичок и отошел в сторону.

«Похоже, про этот пенсионерский санаторий «Декамерон» можно писать! – подумала Лина. – Всюду жизнь, как говорится...».

Лина вспомнила про другой санаторный стриптиз, на этот раз мужской. Вчера в бассейне еще один старичок забылся и вышел из раздевалки прямо в костюме Адама. А дамы, конечно, отреагировали. Кто поопытнее – захихикали, а романтические нежные натуры, напротив, завизжали от ужаса. Старичок в конце концов понял, в чем дело, невозмутимо отбыл в раздевалку, натянул в плавки и пошел рассекать дорожку саженками, как какой-нибудь мастер спорта в отставке.

«Ну вот, а в советское время говорили, что “у нас секса нет”, – подумала Лина. – Дудки! Здесь, в семидесятых, его хоть отбавляй! Отдыхающие в санатории бабушки и дедушки только о нем и говорят. Хотя какой уж тут секс! Корпус закрывается в 23.00, на этаже круглосуточно дежурит бдительная медсестра, танцы заканчиваются в 22.30. Вместо алкоголя – валокордин, а вместо “дозы” – инсулин подкожно, кому надо. И все-таки людям в любом возрасте хочется казаться молодыми и бодрыми. Видимо, когда тебе за восемьдесят, даже поговорить о сексе приятно, коль скоро все остальные плотские утехы остались в прошлом. Или... не в таком уже

и прошлом?»

Лина вспомнила открытую танцплощадку санатория, куда вечером активно стекались отдыхающие, в том числе с костылями и с палками. Да, первое впечатление порой обманчиво. Однако предаваться размышлениям не было времени, потому что ее вызвали в кабинку номер тринадцать.

– Вы уже ходили к источникам? – поинтересовалась у Лины медсестра Людмила, наполнявшая ванночку для ног.

– Еще не успела, бегаю пока что с одной процедуры на другую, – призналась Лина.

– Очень вам советую прогуляться туда после обеда, – сказала Людмила певучим говором, совсем не похожим на топорливую московскую речь, – За нашей целебной водичкой даже из Белоруссии приезжают. Не говоря уже про Москву, Тулу и Калугу. Эта вода в темноте три месяца может храниться. Кстати, на торфяное озеро вы тоже не ходили? – продолжала медсестра и, услышав отрицательный ответ, строго взглянула на Лину:

– Ну как же так! Значит, вы ничего еще не видели. – Из этого озера берут специальную грязь для нашей грязелечебницы. Мы ее даже в санатории Минеральных вод продаем. Идти туда около часа по лесной опушке. Озеро чистое, не то что наша речка Черепеть, куда сливают все отходы из соседнего городка. В нашем лечебном озере пока еще купаться можно и даже полезно для здоровья.

После обеда не было назначено никаких процедур, и Ли-

на, нахлобучив курортную белую шляпку, отправилась по маршруту, намеченному Людмилой.

Озеро с двойным дном

Путь к озеру действительно оказался неблизким. Лина даже пожалела, что отправилась туда под безжалостным послеобеденным солнцем. Вскоре на пустынной дороге ей встретился высокий, обнаженный по пояс мужчина. Выглядел он отнюдь не атлетом. Ребра выпирали из тела, как арматура из недостроенного здания, на впалой груди красовалась татуировка с каким-то восточным иероглифом, а завершала этот негероический облик черная хирургическая повязка на ноге, так называемый ортез. Мужчина скользнул по Лине безразличным взглядом и продолжил свой путь в обратном направлении – в сторону санатория.

– Нет, вы видели? – подскочила к Лине женщина лет семидесяти в ситцевом сарафане и в белой панамке.

– Что? – не поняла Лина.

– Не «что», а «кого», – уточнила дама. – Этого подозрительного типа.

– В чем же вы его подозреваете? – удивилась Лина.

– Да в том, что он маньяк! – заявила дама без обиняков.

– Он подкатил к вам с непристойным предложением? – удивилась Лина.

– До этого, к счастью, дело не дошло, – без тени улыбки сообщила старушка. – Подошел, зыркнул мне прямо в глаза и спросил: «А чего это вы от меня убегаете?».

– И все? – удивилась Лина.

– Нет, не все. – жестко парировала дама. Она явно не хотела рушить стройную версию про маньяка. – Вы же видели, он разгуливает голый по пояс.

– Ну и что? – Лина тоже не собиралась сдаваться. – Он же не в столовую в таком виде заявился, а на природе гуляет. Лето скоро закончится, вот человек и решил позагорать под жарким солнышком, которое в наших широтах не так часто нас балует.

– Очень уж вы смелая, – недовольно передернула плечами старушка и сурово оглядела Лину с ног до головы, – к тому же еще и молодая. Ваше легкомыслие может плохо закончиться. Когда-то у нас в Щекино маньяк изнасиловал в лесу женщину, а потом задушил платочком. Кстати, ей восемьдесят три было.

Лина подумала, что несчастная жертва приняла не такую уж плохую смерть для восьмидесяти трех, но озвучить столь крамольные мысли не решилась.

– Не стоит волноваться, – попыталась она успокоить незнакомку, – этот ваш так называемый маньяк возвращался в санаторий. Мне кажется, я его у нас на территории видела. К тому же у него ортез на ноге, видимо, приехал сюда перелом подлечить в грязелечебнице.

– Видели? В санатории? Перелом? – не поверила дама. – Все мужики тут больными прикидываются, а сами так и норовят пожилых женщин в кусты затащить.

– Да не переживайте вы так! – рассмеялась Лина. – В лесу столько наших отдыхающих! Случись что – как в старом анекдоте, замучают насильника советами.

Лина прибавила шаг, чтобы не слышать дальше ворчание старушки про опасности, подстерегающие порядочных женщин буквально повсюду. Дорога становилась все живописнее, а лес все разнообразнее, словно природа исполняла летнюю симфонию.

Над опушкой пролетали журавли и цапли, в кустах шуршали ёжики, над цветами чертополоха жужжали шмели. Время от времени Лину обгоняли бодрые стайки отдыхающих. Люди шли к озеру быстрым шагом, чтобы успеть искупаться и вернуться к вечернему «водопою», поскольку в санаторском павильоне с минералкой воду давали по часам. Дорога, петлявшая по опушке леса, звала за собой. Лина запела под нос песенку про то, «как упоительны в России вечера», хотя до вечера было еще далеко и солнце жарило вовсю.

Тишина на подходе к лесному озеру оглушила Лину. Ее охватило странное предчувствие. Происходило что-то неправильное и непонятное. В жаркий полдень народ должен плескаться в воде, есть бутерброды, сидя на травке, играть в волейбол, петь – одним словом, культурно отдыхать в этом дивном оазисе прохлады и нетронутой природы. Но вокруг было так тихо, что Лина вдруг услышала, как шелестит листва, квакают лягушки и поет зяблик.

Лине внезапно сделалось жутко. Она вспомнила предо-

стережение незнакомой старушки и прибавила шаг. На берегу Лина заметила группку отдыхающих. Люди стояли плотной шеренгой и молча смотрели куда-то в воду. То, что привлекло их внимание, было закрыто высокой болотной травой. Лина подбежала ближе и застыла на месте, примкнув к скульптурной группе, смотревшей вниз.

В воде лицом вниз лежал тот самый молодой человек, которого она видела с утра на Аллее писателей. Нет, Лина не могла ошибиться, это был он! Дорогие желтые кроссовки модной фирмы, хоть и были изрядно испачканы в иле, принадлежали тому самому утреннему мажору, неизвестно какого черта оказавшемся в этой провинциальной дыре.

Лина почувствовала, как сердце ухнуло куда-то в желудок, а по спине побежали противные мурашки. Она молчала и не знала, что делать дальше. И помочь парню ничем уже нельзя, и уйти сразу как-то неловко. Все-таки человек умер.

Пока она раздумывала, как поступить, с противоположной стороны небольшого озера раздались громкие голоса, и на поляне появились сотрудники полиции. Видимо, местные стражи правопорядка знали кратчайший путь к озеру и подъехали сюда на своем «уазике», чтобы не тащиться пешком под палящим солнцем.

Лина быстро обогнула озеро и приблизилась к оперативной группе.

– Все ясно: несчастный случай, – буркнул невысокий крепыш в форме сотрудника полиции. Он вытирал лицо боль-

шим клетчатым платком, а потом в нарушение устава снял фуражку и протер на лбу красную полосу, которая образовалась от жары. Полицейский обошел тело журналиста вокруг и объявил:

– Версия одна: потерпевший нарушил режим, перебрал алкоголя, а тут еще и жара, неудивительно, что голова закружилась. Гражданин отдыхающий поскользнулся, не удержался на ногах, вот и... Торфяник у нас, всем известно, коварный. Мы это ваше «озеро» гнилым болотом зовем. Москвич, конечно, этого не знал, вот и результат: ноги в кроссовках увязли в иле, пациент санатория упал лицом в воду и захлебнулся. Словом, полиции вся ясно...

– Упал? Не смог встать? Такой молодой и спортивный парень? – спросила Лина полицейского с недоверием, выйдя из тени деревьев.

– Да, женщина, такое бывает, чего вы удивляетесь? Случается, люди даже в ванне тонут. Вы что, о таком никогда не слыхали? – назидательно спросил страж порядка. Внезапно он спохватился:

– Гражданка, а вы, собственно, кто такая? Посторонним здесь нельзя находиться. Идет обследование места происшествия. Прошу всех очистить огороженную территорию и не мешать сбору вещ доков.

Помощница полицейского, симпатичная девушка с трогательной косичкой и ярким румянцем на щеках, быстро обмотала скотчем в желто-белую полоску кусты вокруг того ме-

ста, где лежало тело, еще недавно бывшее молодым столичным модником, и пришла на помощь шефу:

– Расходимся, граждане! Вы что не слышали, что вам майор сказал? Всем приказано покинуть место происшествия и не мешать работе полиции! Если среди вас имеются свидетели происшествия, я готова записать ваши показания.

Девушка явно была уроженкой здешних мест, выросшей на натуральном молоке, твороге и сливках и проводившей много времени на свежем воздухе. Цвет лица ее был свежим, а волосы густыми и пушистыми.

– Давай, Аллочка, пока тут командуй, а я в тень пойду, очень уж голову напекло, – отдал шеф очередной приказ и ретировался под крону огромного дуба, росшего на пригорке, видимо, еще со времен Льва Толстого, чья знаменитая усадьба располагалась в двух часах езды от этих мест.

Полицейский достал большой клетчатый платок, снял фуражку и тщательно протер потный лоб и красную полосу, оставшуюся от головного убора.

Непосредственных свидетелей несчастного случая не оказалось. Отдыхающие постепенно начали покидать маленький импровизированный пляж. Лине тоже расхотелось купаться, и, вернувшись на лесную тропинку, она стремительно зашагала в сторону санатория.

Валерьяново-бромовые технологии

На следующий день все медсестры в лечебном корпусе, словно сговорившись, отделивались в разговорах с отдыхающими дежурными фразами и не вступали с пациентами в обычные веселые перебранки. Медперсонал внезапно перешел на официальный тон даже с теми, кого знал уже не первый год. Кстати сказать, постоянные гости имели здесь особые права, добытые не единожды шоколадками и скромными суммами в конвертах. Эти заслуженные «випы» пребывали в санатории практически на льготных условиях, частенько получая процедуры вне очереди.

Лина пребывала в недоумении. Ни одна из медсестер не захотела поддержать разговор о несчастном случае на озере. Видимо, начальство успело провести с медперсоналом серьезную работу. В конце концов Лина оставила попытки выведать подробности вчерашнего происшествия и принялась терпеливо дожидаться своей очереди на очередную процедуру. Кстати сказать, сидя в очереди в отделении лечебных ванн, она смогла отгадать загадку, мучившую ее уже несколько дней. Стало понятно, почему в этом убогом для XXI века, очень «совковом» санатории, несмотря на жалкие бытовые условия и сиротское питание, все отдыхающие ходят какие-то тихие, даже умиротворенные. Лина отметила, что женщин то и дело вызывали на ванны с валерианой

и бромом. Оказалось, в этом лечебно-курортном учреждении успокаивающие и расслабляющие ванны – самые популярные процедуры. Пожилая дама из очереди сообщила Лине, что в санатории даже есть свой психотерапевт. Дескать, к этому доктору на сеансы релаксации обычно направляют самых агрессивных и негативно настроенных пациентов. В затемненном кабинете под тихую музыку доктор объясняет бунтовщикам и смутьянам, что на самом деле у них все отлично, а все негативные моменты – результат повышенного давления или подагры. В конце сеанса доктор прописывает пациентам эти самые валерианово-бромные ванны. Не удивительно, что дня через два-три даже самые буйные протестанты и пламенные революционеры успокаиваются и начинают рассеянно улыбаться.

– Понимаю, что вы взволнованы, но ничего конкретного сообщить не могу. Никто не видел, как утонул парень из Москвы, – шепнула Лине медсестра Людмила, наполняя ванну. – Молодой человек даже никакие процедуры принять не успел, у врача был только затем, чтобы получить разрешение посещать бассейн. Больше о нем ничего не известно.

Голос Людмилы был едва различим за шумом воды, она старалась, чтобы ее не слышали в соседней кабинке. Похоже, начальство основательно запугало персонал и потребовало молчать под страхом увольнения.

– А кто был у этого парня лечащий врач? – сделала Лина еще одну попытку выяснить хоть что-то конкретное.

– Каролина Арнольдовна, она видела его всего один раз, – еле слышно прошептала Людмила и, установив на подоконнике песочные часы, поспешно удалилась в другую кабинку.

Лина вспомнила, что у нее в сумочке лежит талон на прием akurat к этой самой Каролине Арнольдовне. Прием был назначен на 12 часов дня, между тем уже одиннадцать тридцать!

Едва дождавшись окончания процедуры, Лина стремительно вытерлась казенным сероватым полотенцем, быстро оделась и рванула в соседний корпус.

– Ну вот, молодцом, все как я говорила! – докторша лучилась дежурной улыбкой. – Вы уже и выглядите, и двигаетесь совершенно по-другому – Каролина Арнольдовна доброжелательно взглянула на Лину. – И электрокардиограмма неплохая. В общем, разрешаю вам три бесплатных посещения бассейна и пять сеансов массажа. Если хотите получить больше – придется заплатить.

Лина хотела возмутиться, почему так мало назначений, лечение ведь входит в путевку, но вовремя вспомнила про валерианово-бромовые ванны и прикусила язык. Если сейчас разозлить врачиху, она вообще ничего не расскажет про погибшего парня.

– Вот вам маленький подарочек – московские конфеты, – Лина, решила задобрить докторшу, но та неожиданно перестала улыбаться.

– Сладкое не ем, – недовольно отрезала она, и Лина поду-

мала, что небольшая сумма в конверте на следующем приеме обрадует врачей куда больше.

– Каролина Арнольдовна, как жалко парня, – Лина попыталась завязать разговор на интересующую ее тему, но докторша была начеку.

– О ком это вы? У нас в санатории никаких серьезных происшествий нет и никогда не было. Вы явно что-то путаете... Кстати сказать, склероз так помолодел в последнее время! Придется прописать вам таблетки для улучшения мозгового кровообращения.

– Позвольте вам не поверить, дорогая Каролина Арнольдовна! – Лина взглянула докторше прямо в ее прозрачно-зеленоватые глаза и продолжала: – Мэрия перед выборами прислала сюда столько больных стариков... Ни за что не поверю, что кто-нибудь из них хоть разочек не надумал умирать. Боюсь, что ваши слова об отсутствии происшествий на вверенном вам участке сильно преувеличены.

– Постойте-постойте, вы очень напряжены, наверное, давление подскочило, – перебила Лину докторша, – давайте-ка измерю.

Давление у Лины оказалось в норме, но врачиха не унималась, почуяв в лице любознательной москвички какую-то смутную, хотя и не ясную опасность. Видимо, она вспомнила, как Лина в прошлый раз рассказывала ей про свое активное общение с московским мэром Собяниным. Разумеется, не лично, а через социальную сеть Фейсбук. Врачиха была

в курсе, что вай-фай на территории санатория худо-бедно работает, посему вероятность того, что мэр получает жалобы на свой сайт от этой продвинутой и не в меру активной дамочки, существует. Каролина Арнольдовна решила, что необходимо снизить активность пациентки Томашевской, и не успокоилась, пока не сварганила для активистки коктейль из корвалола с валерьянкой и не проследила, чтобы та все выпила до дна.

– Теперь мир вокруг выглядит намного уютнее и безопаснее, ведь правда? – спросила она с профессиональным оптимизмом и громко крикнула:

– Следующий!

Когда Лина только-только прибыла, словно на машине времени, в этот санаторий, у нее еще не остыл запал москвички XXI века, вооруженной разнообразными гаджетами и регулярно голосовавшей на сайте «Активный гражданин» и на сайте «Change org» по всевозможным вопросам. Она сразу же принялась строчить письма в личный блог мэра Собянина в Фейсбуке. Лина решила: коль скоро чиновники мэрии регулярно выкладывают сообщения о своих достижениях и победах в ее френд-ленту, то она просто обязана сообщать всемогущему френду Сергею Семеновичу об особенностях отдыха столичных пенсионеров, массово отправленных перед его выборами в санаторий по социальным путевкам. Лина написала, что лечение, процедуры, бассейн, природа и погода в Санатории имени Ленина просто отличные,

однако условия проживания для пожилых людей, отдавших Москве многие годы трудовой жизни, оставляют, мягко говоря, желать лучшего.

В день приезда многие столичные старики, увидев номера, коридоры и холлы испытали настоящий шок, принялись скандалить, переезжать сгоряча туда, где еще хуже... Однако вскоре процедуры, природа и местная минеральная вода, как обычно, сделали свое дело, и люди постепенно успокоились. А куда было деваться-то? Поехать в Карловы Вары или в Баден-Баден эти по-настоящему больные пожилые люди – диабетики, язвенники, артрозники, инвалиды-колясочники и другие – все равно не могли. В отличие от тех же начальственных чиновников столичной мэрии. Вот Лина и попросила мэра: мол, постарайтесь, дорогой френд Сергей Семенович, чтобы впредь убогие бытовые условия не унижали достойных и заслуженных москвичей...

Восьмидесятилетняя соседка Татьяна Викторовна, услышав сенсационное сообщение Лины о письме к мэру о бытовых проблемах в санатории, смеялась так, как на памяти Лины давно уже никто не смеялся.

– Ты еще Трампу напиши, чтобы он здесь номера и корпуса отремонтировал! – сообщила она, смахнув слезы, набежавшие от смеха.

– Санаторий выиграл тендер, – сообщила Лина с умным видом, – значит, обязан обеспечить отдыхающих достойными условиями.

– Ой, тендер, ой, я не могу! – снова зашлась смехом Татьяна Викторовна. Она махнула на Лину рукой и принялась смотреть по «Матч ТВ» футбол, который предпочитала «всем этим глупым сериалам»...

Назавтра Лина вновь получила талон на прием у терапевта Каролины Арнольдовны Куропаткиной:

– Вам несказанно повезло, – объявила врачиха с сияющей улыбкой. – У нас в санатории работает психотерапевт. Только для вас, Ангелина Викторовна, так сказать, по знакомству, я впишу в вашу курортную книжку направление к этому редкому специалисту. Даю вам еще одно направление – на валерьяново-бромовые ванны. Кстати сказать, их надо принимать сразу после сеанса психотерапии.

– Спасибо, не надо, – сухо сказала Лина. – у меня на валерьянку аллергия. Впрочем, как и на психотерапевтов.

Едва простившись с оторопевшей докторшей, так и не вручив ей в итоге заготовленный конверт с небольшим гононораром, Лина выскочила из кабинета.

Явление бабы Зои

Лина немного волновалась, проводив в Москву Татьяну Викторовну. Кто-то теперь въедет в ее комнату? Все-таки срок путевки еще только начался...

Часов в пять вечера в номер постучались. Пожилая дама неохватных размеров представилась Зоей и сразу же стала наводить свои порядки.

– Так, если будете храпеть, я тут же съеду, – с порога предупредила она.

– Вообще-то вы намного старше, значит, вероятность того, что вы храпите громче, очень велика, – попыталась Лина с ходу отбить «наезд». Однако «баба Зоя», как окрестила ее про себя Лина, не обратила на ее слова никакого внимания и продолжала инспектировать номер.

– Убираются отвратительно. Кто тут горничная?

– Горничная Света. Убирается через день, – отрапортовала Лина словно курсант старшему по званию офицеру, невольно отступая под боевым напором соседки. – Туалетную бумагу надо покупать самим.

– Чтоооо?! – взревела баба Зоя. – Ну завтра эта красавица мне за все ответит. Туалетную бумагу в клювике принесет, как миленькая.

Лина с готовностью кивнула.

– Работают? – ткнула баба Зоя пальцем в холодильник и

в телевизор.

– С трудом, – отрапортовала Лина.

– Сейчас проверим, – процедила сквозь зубы новая соседка и включила телевизор. Найдя какой-то замшелый сериал, обрадовалась, как дитя, и тут же врубила его на полную громкость. Лина поняла, что пора позорно отступить после первого проигранного сражения.

– Ухожу пить минеральную воду, затем на ужин, а потом гулять по территории, – сообщила Лина. – Приду в половине одиннадцатого. Погода вон какая хорошая надо пользоваться.

– Так поздно?! – взревела баба Зоя.

– Да, так поздно. Корпус закрывается в 23.00, к вашему сведению.

Баба Зоя возмущенно фыркнула и взглянула на Лину с нескрываемым презрением, как на падшую женщину.

В общем, было похоже на то, что битва с бабой Зоей предстоит нешуточная. Что ж, вероятно, Лина слишком расслабилась. Рано или поздно придется возвращаться «на машине времени» в суровый XXI век, так что необходимо быть в тонусе.

Куда привел «Светлый путь»

Глупая смерть молодого парня в этом сонном и благостном, совершенно не подходящем для гибели месте, не давала Лине покоя. Персонал санатория хранил информацию о подробностях гибели молодого журналиста не хуже, чем сицилийская мафия, давшая «омерту» – обет молчания. Настроение у Лины было хуже некуда. Ни одной ниточки, которая вела бы к разгадке, ни одного намека. Чтобы отвлечься, она купила в киоске «Почты России» местную газету «Кутузовец». Лина и прежде любила листать провинциальную прессу, чтобы понять, чем живут люди в глубинке, вот и теперь решила не ломать традицию. Она полистала страницы с бесконечной рекламой, затем полосы с дежурными рассказами про местных «замечательных людей». Лина уже хотела отложить печатный орган районной власти в сторону, скользнула глазами по последней странице... Взгляд ее остановился на небольшой заметке под заголовком «Смерть журналиста»:

«Газета «Кутузовец» с прискорбием сообщает, что известный столичный журналист, обозреватель газеты «Сенсация» Алексей Артюхов трагически погиб в наших краях. Его тело было найдено в торфяном озере неподалеку от Санатория имени Ленина. Представитель следственных органов майор Иван Тюлькин сообщил, что, по предварительному заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть Алек-

сей Артюхова наступила в результате утопления. Редакция приносит соболезнования родным и близким покойного и будет следить за дальнейшим ходом следствия».

«Боже, так это был Артюхов! – Лина едва не вскрикнула. Она не раз читала хлесткие заметки модного столичного журналиста и даже однажды слышала интервью с ним на одной из популярных радиостанций. – Интересно, что привело столичную знаменитость в эту глушь? Надо бы узнать, с кем Артюхов уже успел пообщаться... Легко сказать – узнать, но как? Весь персонал словно язык прикусил».

Громкий женский голос заставил Лину обернуться. Местная жительница продавала на крыльце столовой малосольные огурцы и мед. Покупали вяло. Во-первых, дороговато, а, во-вторых, все пациенты санатория сидели на разнообразных диетах. Продавщица возмущалась вслух, демонстрируя прохожим «дары природы» в стеклянных банках:

– У вас в Москве чуть что паника: ах, у меня диарея, ах, у меня аллергия! А мы тут эти малосольные огурцы с кислым молоком трескаем, хлещем воду из-под крана – и таких слов не знаем.

«Еще бы вам их знать! – подумала Лина. – Дышите чистейшим воздухом, вода из-под крана течет, по словам врачей, чище, чем привозят в санаторий в бутылках. Вот и задумаешься, кому больше в жизни повезло – «зажравшимся», по общему мнению, москвичам или жителям этих мест».

Лина решила познакомиться с местной жительницей. Она

поднялась со скамейки и подошла ближе к месту торговли. Поразил контраст между немолодым лицом мелкой предпринимательницы и ее ярким «прикидом». Обтягивающие голубые джинсы «вторая кожа», по-модному разорванные на коленях, туника с сине-белыми розами, крупные серьги и кольца из синего пластика... Крашенные волосы дамы имели легкий желтоватый оттенок, макияж выглядел не по возрасту ярко. Одним словом, во всем облике незнакомки чувствовалась привычка одеваться и краситься броско. Видимо, она изо всех сил боролась с подступающей старостью и выбрала для себя образ «хипповой бабушки», а не «серой мышки». В российской провинции это выглядело почти что вызовом обществу.

– Скажите, пожалуйста, вы что-нибудь слышали про трагедию, которая случилась вчера на озере? – спросила Лина торговку, не надеясь на положительный ответ.

– А как же? – заговорила женщина почему-то очень тихо и то и дело оглядываясь. – Вчера ко мне подходил этот парень из Москвы, ну то есть... утопленник. Купил самую большую банку меда и пару огурчиков – до обеда похрустеть. Знать бы, что через несколько часов его, сердечного, не станет, бесплатно бы все отдала. Небось, на том свете таких огурчиков нету! Что я могу о нем сказать? Парень как парень. Нет, не так. На наших, деревенских ребят, конечно, не похож. Типичный московский пижон, к нам такие иногда на иномарках приезжают. Впрочем, его уже нет, так что не будем о че-

ловеке плохо. Подходил ко мне, спрашивал, что и где тут находится. Почему-то нашим массажистом Ни Ли интересовался. Видать, от этих проклятых компьютеров у него, такого молодого и красивого, уже были проблемы со спиной и шеей. Ну, я и направила его к Томке – медсестре, которая на массаж записывает. Зря старалась. Он, сердешный, ни одного сеанса пройти не успел...

Лину поразили взгляд торговки – простодушный и вместе с тем проницательный, даже настороженный. Такой обычно бывает у сельских жителей, столкнувшихся в городе с законами «каменных джунглей», и давших себе зарок впредь не расслабляться и не болтать лишнего с приезжими.

– Может, у вас есть какие-нибудь догадки? – не отставала Лина, – О том, что привело столичного журналиста в ваши края?

– Наверное, паренек здоровье решил поправить, – пожалала плечами незнакомка. – К нам ведь разные люди приезжают. Вот и этот парень, думаю, притащился сюда болячки подлечить. Бывает, что человек с виду весь такой молодой, фартовый, пижонистый, а внутри гнилой, болезней больше, чем у старика Хоттабыча. Молодежь-то теперь в столицах хилая пошла. Там-то, в Москве вашей, дышать нечем, да и едите всякую дрянь.

Лина подумала, что модный столичный журналист с его нехилыми заработками мог бы и за границей подлечиться, однако развивать эту мысль вслух не решилась. К чему раз-

дувать ненависть к москвичам, и без того растущую в провинции с каждым годом?

На прощание торговка предложила:

– Хоть огурчиков у меня купите. Вот, всего два малосольненьких осталось. За десять рублей отдаю, разве ж это деньги? Без моих солений эту вашу санаторскую баланду хлебать – все равно что сено жевать.

Лина кивнула, протянула женщине медную монетку и тут же с хрустом откусила изрядный кусок от огурца, источавшего соблазнительный аромат чеснока, смородинных листьев и укропа.

«Босоногий мальчик»

– Вам повезло, одно место на массаж осталось, – сообщила медсестра Тома, поведив карандашом по тетрадному листку сверху вниз. – У Кима Ни Ли. – Между прочим, это лучший наш массажист, самый опытный. Завтра с восьми и приступайте, не забудьте только купить массажный крем.

«Да, понежиться в постели с утра не придется, – подумала Лина. Впрочем, подобное обстоятельство ничуть ее не расстроило. С появлением в комнате бабы Зои она окончательно подчинилась прихотям судьбы и почти безболезненно превратилась из «совы» в самого настоящего «жаворонка». Раньше Лина удивлялась, читая воспоминания бывших узников ГУЛАГа о том, как быстро привыкает человек к новым условиям, даже к самым ужасным. В Санатории имени Ленина пришлось убедиться на собственном опыте, что высокая способность хомо сапиенс к адаптации – чистая правда. Через три дня Лину уже не смущал ни обшарпанный линолеум в коридоре, ни допотопный титан с кипятком на этаже, ни подтекающие трубы в ванной, ни «больничная» еда в столовой...

Вскоре оказалось, что Лина была готова отнюдь не ко всем сюрпризам. Наутро, войдя в кабинет массажиста, она невольно ойкнула. Маленький коренастый и черноглазый мужчина неопределенного возраста, вероятно, кореец по на-

циональности, попирает линолеум босыми и, похоже, давно не мытыми ногами.

– Оторвались вы у себя в Москве от матушки-природы, как я погляжу, – назидательно сказал кореец с какими-то певучими южнорусскими интонациями. Он поймал недоуменный взгляд пациентки, устремленный на его небольшие ступни, и надменно усмехнулся. Лина догадалась, что подобные взгляды массажист ловил каждый раз, встречаясь в кабинете с новичком. Кореец глянул в ее карту и повторил эту же мысль:

– Ближе к земле надо быть, госпожа Томашевская! Почувствуйте матушку-землю ее ногами, и она воздаст вам сторицей. Про энергию Ци что-нибудь слышали?

– Очень немного. – призналась Лина.

– Она не приходит к дерзким и насмешливым, – кореец внимательно взглянул ей в глаза и добавил, – надо работать над собой, опускать дурные мысли в нижний данцзянь.

«Допустим, ступни у него грязные. Но руки-то этот «медицинский работник» хотя бы моет?» – подумала Лина с тревогой.

Словно прочитав ее мысли, кореец отправился в ванную и вскоре вышел оттуда, вытирая маленькие желтые пальцы полотенцем сомнительной чистоты. Однако, когда он начал работать, Лина забыла все свои страхи.

Вначале кореец размял ей шею маленькими ручками, неожиданно оказавшимися очень сильными, потом, как пи-

анист, играющий гамму, чтобы разогреть пальцы, прошелся по позвонкам, затем нажал болезненные точки на лопатках. Лина вдруг почувствовала, что «зажим» в шее куда-то исчез, а спина без усилий распрямилась. Далее Ким прошелся точными движениями по линиям мышц на спине, а после принялся расслаблять у пациентки мышцы каждого плеча. Лина, немного привыкнув к боли, которую ей причиняли цепкие и умелые пальцы массажиста, решилась наконец задать вопрос, не дававший ей покоя со вчерашнего дня:

– Скажите, пожалуйста, Ким, а этот журналист из Москвы... Ну, Алексей Артюхов... В общем, тот, о котором персонал санатория старается не вспоминать, он ведь, кажется, вас искал?

Пальцы массажиста дрогнули и остановились на верхних позвонках. В спине что-то хрустнуло, и Лина невольно ойкнула.

– Вы это точно знаете или фантазируете? – резко спросил массажист.

– Ким, вы же знаете, здесь любая новость мгновенно разносится по корпусам. Не думаю, что здоровому молодому человеку был необходим медицинский массаж, однако, мне кажется, он приехал в санаторий только ради вас.

– В первый раз об этом слышу, – заявил Ни Ли и с силой нажал новые точки на лопатках Лины. Она невольно вскрикнула. Массажист усмехнулся, затем, как пианист-виртуоз, играющий ноктюрн Шопена, прошелся по позвоночнику.

ку, после этого похлопал Лину по спине ребром ладони, провел двумя горячими ладошками по линиям спины и наконец закончил сеанс. Пока Ни Ли мыл руки, а пациентка одевалась, массажист успел дать Лине совет:

– Отдыхайте, Ангелина Викторовна, спокойно, лечитесь и не забивайте себе голову глупыми сплетнями. Молодого человека уже не вернуть, так что ваши переживания бесполезны. Аккумулируйте энергию Ци в верхнем данцзяне и старайтесь чаще расслаблять плечи. В общем, займитесь здоровьем, а для этого купите дополнительные процедуры в здании администрации.

«Странно. Все советуют мне не беспокоиться, хотя вся наша жизнь – сплошное беспокойство, – подумала Лина.

Закрывая дверь, она почувствовала, что спину буквально прожигают маленькие черные глаза босоногого корейца. Было обидно сознавать, что первый раунд расследования она с треском проиграла.

Бабушки знают все

– Ну что? Сходила на массаж? – игриво спросила баба Зоя, столкнувшись с Линой в коридоре.

Лина радостно кивнула освобожденной от зажима шеей.

– Вон тот черноглазый мужчина, чей кабинет расположен в нашем коридоре, он и есть массажист? – продолжала баба Зоя допрос все в том же игривом тоне.

Лина вновь подтвердила ее справедливое предположение.

– Повезло, – вздохнула она. – А мне дали какую-то невзрачную деваху. Эх, чувствует мое сердце, не получу никакого удовольствия...

Лина рассмеялась и уже собралась уходить, однако бабе Зое не терпелось поделиться свежими новостями. Как оказалось, не просто сенсационными – криминальными. Вчера в санатории поймали воровку. Вскоре выяснилось, что она из отдыхающих. Молодая прохиндейка ловко стырила у забывчивой курортницы новенький айфон. Выйдя от врача, пациентка обнаружила, что забытого в коридоре пакета с рекламой дорогой косметики, и след простыл. Врачиха и горничная в один голос убеждали потерпевшую, что она сама все перепутала, и несчастный пакет наверняка валяется у нее в номере. Женщина резонно возражала:

– Как же я попаду в номер, если ключ от него лежал в моем пакете с айфоном?

В общем, замять дело не удалось, не на такую напали. По-терпевшая позвонила в полицию и заявила о пропаже цен-ной вещи.

Из соседнего городка Кутузова вскоре примчался наряд полиции, состоящий аж из пяти бравых пинкертонов, и тут же методом дедукции распутал это весьма запутанное дель-це. Хотя подводных камней там таилось немало. Во-пер-вых, в корпусе был еще один, черный ход, во-вторых, пароль на телефоне потерпевшая не помнила, в-третьих, пришлось устанавливать IP адрес. Ну, и наконец, подозреваемая ушла в полную неосознанку, которая, правда, вскоре плавно пере-шла в чистосердечное признание. Баба Зоя сообщила, что нашла воровку и добилась от нее признания, как это ни уди-вительно, молодая сотрудница полиции с косичкой.

– На вид девчонка совсем, а вот на тебе – вылитый комис-сар Пуаро! – удивлялась баба Зоя.

«Слава кутузовской полиции! – подумала Лина. – Мож-но и дальше спокойно путешествовать на машине времени в восьмидесятые и «ни о чем не волноваться», как призывают меня здесь буквально все сотрудники санатория».

Словно в подтверждение ее слов белорусские «Верасы» грянули «Малиновку», затем «Песняры» зажгли «Волог-дой», и наконец сладкоголосая Анна Герман сообщила, что «один раз в год сады цветут».

История с разоблаченной воровкой имела неожиданный поворот. Когда «Пуаро» с косичкой изъездила у худощавой и

нервной дамочки пакет с айфоном, подозреваемая вначале попыталась объявить обворованную женщину «психической». Мол, кто же в наше время в здравом уме и трезвой памяти будет вызывать полицию. Но оказалось, что санаторских бабушек не проведешь. «А чего это она трубку не брала, когда ей полиция на чужой айфон звонила? И почему чужой ключ в пакете не заметила?» – хитро прищуривались они, сидя на лавочке у корпуса. В общем, воровке пришлось во всем признаться.

«Да, с такими сыщицами на лавочке и полиция не нужна! – подумала Лина. – Жаль, что никто из них ничего не может ничего рассказать о смерти Алексея Артюхова. Надо бы разведать у старушек, с кем встречался модный столичный журналист, а, главное, зачем он притащился в эту глушь».

Операция «Внедрение»

У входа в столовую Лина случайно заметила объявление: «После обеда – пение под баян». И подумала: «А почему бы и нет? Прикольно! Тем более что других развлечений все равно не предвидится. Ну и наплевать! Она же в прошлое тут попала, а не в будущее. Станным было бы, если бы вместо частушек под баян здесь предлагали пение под караоке. В общем, надо срочно вливаться в хоровой коллектив бабушек. Как говорится, «покорного судьба везет, а непокорного тащит».

На скамейках возле клуба «фанатки» среднего пенсионного возраста терпеливо поджидали баяниста и обменивались местными новостями. Чуть в стороне восседала в инвалидном кресле крупная пожилая дама в белой вязаной шляпке и в жемчужных бусах поверх голубой кружевной кофточке. Весь ее облик выдавал зажиточную даму, волею судьбы затесавшуюся в компанию к небогатым пенсионеркам. Накануне Лина слышала, как дама громко говорила по телефону на каком-то восточном языке, скорее всего, на татарском. Обычно инвалидное кресло пациентки катала ее помощница – маленькая корявенькая тетка неопределенного возраста со сморщенным желтоватым личиком злой обезьянки. Сейчас помощницы нигде не было видно – видимо, пение хором в обществе хозяйки не входило в круг ее обязанностей. Лину

удивило, сколь разные женщины собрались на спевку возле клуба, и вспомнила популярную песню девяностых: «Музыка нас связала». Да уж, музыка связала здесь такие разные сердца!

Баянист, как и положено местной звезде, слегка опоздал. В крепком пожилом мужчине с хитрыми пронзительными глазками угадывался бывалый провинциальный сердцеед. Выйдя на крыльцо, музыкант закатил глаза и приосанился. Белую капитанскую фуражку дед лихо сдвинул на лоб, а на застиранной, однако тщательно отглаженной рубашке растегнул для форса две верхние пуговики. Старенький аккордеон уже покоился на плече музыканта. Баянист лихо растянул его для «выходной арии», затем крякнул и бегом пробежался пальцами по клавиатуре. Из дверей, словно оперная дива, выплыла дама лет пятидесяти в розовом деловом костюме и с толстой папкой подмышкой. Она быстро извлекла из папки и раздала листы формата А4 избранным – видимо, самым голосистым хористкам. Оказалось, это тексты песен, которые уже лет тридцать как входили в репертуар местной знаменитости.

«Все как в профессиональном хоре», – подумала Лина и невольно прониклась к даме уважением. Не дожидаясь бумажек с текстами, бабушки тут же грянули «Златые горы», а баянист тут же подхватил аккомпанемент.

– Не упрекай несправедливо, скажи всю правду ты отцу, – завопила вместе с хором бабушек Лина. Оказалось, она пре-

красно помнила текст этой старой застольной песни, хотя в последний раз пела ее лет двадцать назад – на свадьбе у дальних родственников.

«Вот он – наш генетический код в действии, – подумала она, – ночью разбуди – сразу же все вспомню. Вот они. наши скрепы! Хочешь-не хочешь, а придется вливаться в этот возрастной «вокальный коллектив». Есть надежда, что кто-то из любителей «Хасбулата удалого» и «По Муромской дорожке» приезжает сюда не первый год и, возможно, знает то, что скрывает массажист. Хорошо бы втереться к ним в доверие, а потом попытаться выведать, о чем так упорно молчит персонал санатория».

Легко сказать – непросто сделать. Пожилые люди весьма подозрительны, чужаков опасаются, лишнего не скажут. Лина вспомнила, что ее мачеха Кира, пока была жива, никому не говорила о существовании Лины в ее жизни. Наверное, боялась, что ее лишат социального работника, хотя Кира была прописана в ее квартире одна, и социальный работник был положен ей по закону. Впрочем, бабушка Лины, польская дворянка Агата Томашевская, пережившая лихие сталинские годы, даже в восьмидесятые сообщала на ухо свою страшную тайну лишь самым доверенным людям: «Мой папа Лаврентий Томашевский в тридцать седьмом сжег дворянскую грамоту». Катаклизмы, следовавшие в нашей стране один за другим, приучили стариков не доверять первому встречному. Надо сказать, что санаторские бабушки свя-

то следовали этому правилу, не раз подтвержденному самой жизнью.

Короче говоря, в группу пожилых хористок Лина внедрялась по всем законам разведки. Вначале допела «Златые горы», потом подхватила «Уральскую рябинушку», а там и до «Подмосковных вечеров» дело дошло. Лина давно уже руководила детским музыкальным коллективом «Веселые утята», и со слухом, а также с музыкальной памятью у нее все было в порядке. Ну, и «генетический код» не подвел. Лина, к ее собственному удивлению, прекрасно помнила тексты всех этих «нафталиновых» песен из прошлого века. Через полчаса она наконец краем глаза заметила, что старушки поглядывают на нее одобрительно. Значит, признали в новенькой свою, а это уже неплохо!

Когда баянист грянул плясовые мелодии, Лина не растерялась. Она вышла в середину круга и вжарила ногой в площадку возле клумбы так яростно, что под каблуком раскололась плитка. Помнят ноги, блин! Жгите, родимые! Лина не раз проводила детские праздники в «Веселых утятах» и знала, как «завести» детей. Что старый, что малый – разница небольшая. И пошло-поехало! В общем, минут через тридцать бабушки согласились на фотосессию и одобрительно закивали головами. А потом баянист, крикнув, завел «Саратовские страдания». Некоторые частушки были весьма крамольные, про власть, и бабушки попросили Лину: «Не снимай, дочка, всех посОдят». Однако другие тексты для на-

родных кричалок оказались вполне безобидными, хоть и не вполне приличными:

- «— Коля, Коля, ты отколе?
- Коля из Саратова.
- Что ты держишься за х@р?
- Милка исцарапала!»

Лина не выдержала, и под поощрительные взгляды бабушек выкрикнула свою «коронку»:

«Ходять утки по деревне,
Серенькие крякают.
Меня миленький еб@т,
Только серьги звякают!»

Бабушки захлопали и радостно засмеялись, вспомнив молодость. Вдохновленная успехом, Лина решила выкрикнуть самую похабную:

«— Почему галош не стало
В наших северных краях?
Потому что всю резину
Перетерли на...х@ах!».

В общем, это был Линин триумф! Она сорвала у строгой публики «аплодисменты, переходящие в овацию».

Не только бабушки, но даже местная «культурная элита» —

баянист и дама в розовом (она оказалась завклубом) – после такого успеха сочли Лину «классово близкой» и пригласили на «скромную рюмку чая после окончания мероприятия».

Прошлое под запретом

– Видите, как здесь все убого? – вздохнула завклубом Инесса Леопольдовн, когда они уселись вместе с баянистом в маленькой комнатухе рядом с давно не отремонтированным зрительным залом. Инесса Леопольдовна предварительно положила на стул афишу обратной стороной, чтобы не испачкать парадный костюм.

– Нет, что вы, здесь очень уютно, – из вежливости возразила Лина, оглядев стол, застеленный чистой газеткой и уставленный домашними разносолами. Натюрморт дополняла бутылка «родимой» и пакет яблочного сока. В углу пылились допотопные усиливающие звук колонки, пульт звукорежиссера с лежащим на нем стареньким микрофоном, гитара в чехле и несколько свернутых в трубочки плакатов.

– Я не эту комнату имею в виду. – отмахнулась Инесса, – а санаторий в целом. В девяностые мы гремели на всю Тульскую область, достать сюда путевку считалось большой удачей. В профкомах предприятий в очередь к нам записывались.

Лина догадалась: ее позвали на эту скромную пирушку для того, чтобы вместе вспомнить годы величия и процветания Санатория имени Ленина. Так потомки римлян спустя века рассказывали варварам о том, каким грандиозным был их Вечный город. Что ж, воспоминания о прошлом санато-

рия как раз входили в ее тайный замысел.

– И что же, вы с тех пор так здесь и работаете? – начала она осторожно подбираться к главному.

– Кому, блин, мы еще нужны? – подал голос баянист Михалыч. – В нашем районе работы нет, все местные заводы и фабрики позакрывались, все производства обанкротились. Вот я и ломаю комедию, пою со старушками частушки на старости лет. Состою при клубе музыкальным работником. Какая-никакая прибавка к пенсии. Инесса организует в санатории бесплатные культурные мероприятия, чтобы отдыхающие со скуки жалобу не накатали о том, что, мол, развлечений никаких нет. Впрочем, выбор у них небольшой. Пение под баян да концерты силами отдыхающих. Отставить разговоры! – Михалыч, вспомнив, что он «первый парень на деревне», приосанился и провозгласил тост: – Давайте поднимем бокалы за ваш и наш успех! – Кавалер с неожиданной галантностью поцеловал Лине ручку, лихо опрокинул стопку водки и закусил бутербродом с салом и черным хлебом, заботливо подсунутым Инессой Леопольдовной.

– Массажист Ким Ни Ли тоже здесь тоже работал в девяностые? – поинтересовалась Лина как можно небрежнее.

– Конечно, работал, а как же! – удивилась Инесса. – У нас редко берут новеньких, весь персонал местный. Массажисты, как вы уже, наверное, догадались, это здешняя элита. Зарплата у них, конечно, небольшая, но почти все пациенты суют им деньги мимо кассы. Даже инвалиды и пенси-

онеры. Люди ведь не дураки, прекрасно понимают: хочешь, чтобы массажист всерьез тратил на тебя свою силу и энергию, тогда плати. Это мы, работники культуры, теперь стали кем-то вроде балласта. Обслуживающий персонал, только без чаевых. А точнее – лишние люди нашего времени, типа Печорина и Онегина... Клубные работники в нашей стране теперь мало кого интересуют. Зарплату получаем на уровне уборщиц. Постоянно ждем сокращения ставок и предложений уволиться по собственному желанию. Раньше хотя бы известные артисты из Москвы сюда приезжали, а теперь их никакими процедурами и даже нашей минералкой не заманишь. Всем только наличка требуется. Одним словом, пенсионерки, прибывшие по социальным путевкам, деньги скорее массажисту отдадут, чем за концерт заплатят, а петь бесплатно, даже ради трех халявных дней в санатории, дураков нет. В общем, Лещенко и Леонтьев к нам уже не приедут, хотя, между прочим, по возрасту они близки к нашему контингенту.

Инесса сморщилась и, громко выдохнув, опрокинула стопку водки.

Баянист крикнул и взглянул на начальницу с искренним уважением.

– Знаете, этот Ким раньше тоже ого-го сколько деньжищ зашибал. – шепотом продолжала завклубом. – Тогда, в девяностые, новоявленные предприниматели ото всюду повылезали, как грибы из-под земли, и стали сколачивать свои ка-

питалы. Помните, чем они зарабатывали?

– Нуу, кооперативы повсюду пооткрывали, куртками из простыней и самопальными джинсами из «варенки» торговали. Челноки в Турцию и Китай потянулись. Вот вам и весь бизнес девяностых, – пожала плечами Лина.

– Это у вас в Москве. А у нас здесь даже таких возможностей не было. Зато «братки» быстро сообразили, что к чему, и стали к нам из Тулы и даже из Москвы девочек возить. Подпольный бордель работал в санатории и днем, и ночью. В общем, как сказали бы в советское время, пятилетку в четыре года выполнял. Вскоре сауну построили, потом небольшой бассейн. Ким в «зоне отдыха» при сауне восстанавливал здоровье братков, разминал им натруженные мускулы после разборок, вывихи кистей вправлял, раны зашивал. Девкам их разбитые морды снадобьями всякими мазал. К врачам-то они обращаться боялись, а Ким в советские времена фельдшером на «скорой» работал, да и позже навыки первой помощи не растерял. Мы помалкивали, конечно, но про себя удивлялись, почему милиция ни братками, ни Кимом не интересуется. У нас-то все местные на виду, а разговоры о «нехорошем месте», конечно, шли. Людям ведь рот не заткнешь. Говорили даже... – Инесса понизила голос и зашептала. – что некоторые девочки исчезали бесследно. Через какие-то время до нас дошли слухи, что сауну крышует какой-то важный прыщ в Москве. Дескать, он этих девок специально подальше от столицы сюда отправляет, чтобы са-

мому нигде не светиться. Думаю, в те годы на борделях и на их рекламе хозяева сауны заколачивали деньжищ немерено. И при этом реальный хозяин сауны слыл в столице человеком весьма известным, респектабельным и порядочным. Говорили, что шеф нашего Кима вхож в самые высокие сферы и что даже в мэрию Москвы он ездил каждый день, как на работу... Ким как-то по пьяни проболтался, что раз в неделю дурную энергию с шефа снимает какими-то своими китайскими примочками, только вы никому об этом не рассказывайте, – спохватилась Инесса, – а то для меня все очень плохо закончится. Подобную болтовню серьезные люди не одобряют. Главное, они не любят тех, кто не в свое дело носует. С такими здесь и прежде не церемонились, да и сейчас их не жалуют...

– Не в свое дело... Это вы о парне, который в озере утонул? – спросила Лина, почему-то перейдя на шепот.

– Мадам, сколько же надо выпить, чтобы в нашей луже утонуть? – подал голос дотоле молчавший Михалыч. – Никогда прежде ничего подобного у нас в деревне не было и, надеюсь, впредь не будет.

– Выходит, ему помогли? – тихонько подсказала Лина.

– А почему вас это так сильно интересует? – прищурилась Инесса. – Вы ведь отдыхать к нам приехали? Вот и отдыхайте себе и лечитесь заодно, а не нагружайте себя и нас неприятными вопросами.

– Вы отнюдь не первая, кто советует мне здесь лечиться и

ни о чем не думать, – улыбнулась Лина. – Но как я могу продолжать спокойно жить дальше, когда молодой парень погиб в этой дыре без всяких на то причин. Кстати сказать, в вашей газете «Кутузовец» написали, что известный столичный журналист Артюхов приехал в санаторий собирать материал для сенсационной публикации.

– Ну и где теперь эта его «сенсационная публикация»? На дне озера? – спросила Инесса, уставившись на Лину внезапно протрезвевшим взглядом. – Советую вам, дорогая Ангелина Викторовна, не лезть в чужие тайны. Вы же не хотите, чтобы рано утром грибники нашли вас на лесной опушке без признаков жизни или рыбаки увидели с моста над речкой Черепеть ваше бездыханное тело, лежащее на мели?

– Неужели все так серьезно? – не поверила Лина. – То, что вы мне только что рассказали, – дела давно минувших дней, никому не интересный «нафталин». Да и где в то время борделей не было? Впрочем, как и объявлений про них. Обычное дело. К тому же после девяностых столько воды утекло...

– Не скажите! – лукаво прищурился Михалыч. Он опрокинул вторую стопку и смачно закусил сочным желтым помидором и хрустким огурчиком, явно из домашней теплички. – Если бы дело обстояло так, как вы говорите, то заезжий журналист пил бы сейчас в санатории минеральную водичку и отплясывал твист на танцплощадке, а не лежал бы в тульском морге. Кстати сказать, советую вам сходить вечером на танцы. Там весело! Диск-жокей Митяй зажигает. Уверен, на

танцах все дурные мысли из вашей головы тут же перейдут в ноги и вскоре улетучатся, как и все ваши хвори.

Лина задумалась. Из вежливости она закусил водку местным кислым яблочком, наскоро распрощалась с завклубом и с баянистом и побрела на Аллею писателей, чтобы собраться с мыслями.

«Кто-то в санатории прознал, что Алексей Артюхов в одиночку отправился на озеро, и этот кто-то явно дал команду местным бандитам. Хорошо бы выяснить, с кем он общался здесь помимо Кима», – подумала Лина. Взгляд ее случайно упал на гипсовый бюст Шиллера, покрытый все той же серебристой краской.

«Дорогой Фридрих, ты когда-то написал пьесу “Разбойники”, – мысленно обратилась она к немецкому классику, – помоги мне, пожалуйста, отыскать и разоблачить местных разбойников, по сравнению с которыми твои герои – третьестепенные артисты в черных бархатных накидках и с картонными мечами, нанятые играть на дне рождения у доверчивого дошкольника».

Солнце упало на лицо Шиллера, и Лине показалось, что писатель в ответ слегка кивнул.

Танцы до упаду

После ужина, когда начало смеркаться, в парке санатория разлилась вечерняя истома. Отдыхающие потихоньку готовились к самому важному событию уходящего дня. Над аллеями парка витала и нежно трогала сердца романтическая музыка. Под звездным небом пели уже не мастера советской эстрады, как бывало днем, а звезды Сан-Ремо и французские шансонье. Их голоса волновали и обещали что-то необъяснимо приятное.

Дискотека была назначена на двадцать один час, когда окончательно стемнеет. Лина поглядывала по сторонам и не уставала удивляться. Обитатели санатория, средний возраст которых был 60+, стали к вечеру не по возрасту легкомысленными, даже походка у многих изменилась. Улыбки, смешки, шепотки, веселая суета носились в воздухе и обещали отдыхающим что-то необычайно радостное и приятное. Через полчаса по аллеям стали дефилировать солидные дамы в длинных платьях с затейливыми прическами и кавалеры пенсионного возраста в непривычно отглаженных парадных джинсах и рубашках-поло. На одной из аллей Лину едва не сбила с ног помощница дамы-инвалида в кружевной шляпке. В этот раз она не толкала, как обычно, впереди себя инвалидное кресло с хозяйкой, огрызаясь на очередной ее каприз, а передвигалась вполне самостоятельно. Неказистая

дамочка с лицом злобной обезьянки нарядилась в черную тунику, щедро разукрашенную блестками и ниспадавшую на белоснежные брюки, и почти бежала в сторону танцплощадки, как будто хозяйка, словно Медный всадник, преследовала ее в своей инвалидной коляске.

«Ого! – удивилась Лина. – Такой подготовки к танцам я не видела даже в ранней юности. Тогда, наоборот, модно было проявлять полное безразличие к подобным мероприятиям. Главным лозунгом был «Темнота друг молодежи», и «медляк» танцевали у кого-нибудь на квартире, когда предки уезжали на дачу. Ну, а прыгать в кружке под музыку в молодости вообще считалось полным отстоем. Удивительно, как молодежь восьмидесятых раскрепостилась к старости!

Репертуар открытой танцплощадки в Санатории имени Ленина, разумеется, был из двадцатого века, как и вся культурная программа в санатории. Ансамбли «АББА», «Бонни М», советские поп-группы того времени: «Цветы», «Песняры», «Сябры», «Веселые ребята». Под эти песни нынешние бабушки и дедушки зажигали на школьных дискотеках, влюблялись, спустя несколько лет зачинали под те же мелодии детей, у которых давно уже свои дети. Вот и сейчас кое-кто из пожилых танцоров приосанился, кое-кто, напротив, слегка покраснел от смущения, потому что его охватили потаенные воспоминания, запрятанные на долгие годы в дальние уголки души. То, что, казалось, было давно забыто и надежно похоронено под слоями позднейших бытовых забот

и финансовых переживаний, вытащила на свет и заставила вспомнить беспощадная музыка...

Пока звучала парочка первых песен, пожилые отдыхающие сдерживали порывы изо всех сил и продолжали солидно сидеть вдоль ограды на лавочках. Однако вскоре короли и королевы танцплощадки – из тех, что чуть моложе – не выдержали и двинули толпой в центр дощатого танцпола. Следом за ними устремился контингент возраста 60+. Вот эти уже зажгли не по-детски! Инвалиды отбросили костыли и палки и ого-го как вжарили рок и диско. Ноги-то все помнят, мастерство не пропьешь! Особенно старался подтянутый седой дядечка в белой рубашке-поло и в модных джинсах с драными коленками. Он твистовал и подпрыгивал под рок-мелодии так яростно, что зрителям, подозревавшим о возрасте танцора, под конец стало за него немного страшно. Лина вспомнила знаменитый танец Умы Турман и Джона Траволты в «Криминальном чтиве», которые были явно моложе большинства посетителей танцплощадки. Лина подумала, что пожилые обитатели санатория танцевали ничуть не хуже голливудских звезд! Во всяком случае, энергии им было не занимать. Лина подумала, что наш народ не сломить, если даже российские полунищие пенсионерки зажигают не хуже Умы Турман. Еще она вспомнила, что большинство звезд танцпола видела накануне в очередях на ЭКГ, к мануальщику и к кардиологу. Один солист поразил Лину тем, что ловко подпрыгивал в ритме джайва, не обра-

щая внимания на ортез, замотанный на колене. Лина узнала в этом симпатичном дядечке «маньяка», напугавшего днем старушку в лесу. Сама она маньячка! Милый мужчина, кавалер хоть куда. Одним словом, возраст и болезни в Санатории имени Ленина танцам и песням были не помеха. Да что там говорить! Услышав очередной хит «дискотеки восьмидесятых», Лина и сама не удержалась, пристроила свою сумочку у бабы Зои на коленях и вышла в круг. Вместе с танцорами она размялась «Ласковым маем», потом отожгла под Юрия Антонова, ну а когда дело дошло до Верки Сердючки, то на дощатом танцполе плясали даже те, кто днем с криканием и стоном вылезал из лечебных грязевых ванн. А все почему? А потому что на дискотеке правили бал не аниматоры с их фальшивыми, как на зарубежных курортах, улыбками, а зажигал диск-жокей Митяй из соседней деревни. Он заводил публику так, как Челентано и Тотто Кутуньо и не снилось. Танцевали не только ноги Митяя, но и его руки, и глаза, и даже уши – все одновременно двигалось в такт зажигательных песен. Инвалиды всех групп вытворяли под руководством Митяя такое, что сотрудницы собеса, завидев это безобразие, впали бы в ступор и тут же лишили бы всех этих так называемых пациентов всех их надбавок к пенсии и бесплатных занятий по программе «Активное долголетие», не говоря уже о бесплатных путевках в санатории.

Праздник жизни подошел к зениту, но с каждым танцем на сердце у Лины становилось все тяжелее и тревожнее. Вер-

ка Сердючка пела: «Все будет хо-ро-шо, я это знаю!», но подобное утверждение почему-то не внушало оптимизма. Перед глазами Лины стоял илистый берег озера и модные кроссовки парня, погибшего так глупо прекрасным летним днем. Она стряхнула наваждение, резко сошла с круга, забрала у бабы Зои свою сумочку и стала дожидаться, когда диск-жокей Митяй устанет и пойдет перекурить.

– Добрый вечер, Дмитрий! – обратилась Лина к юноше как можно вежливее, едва тот сошел по ступенькам на асфальтированную аллею. – Можно отвлечь вас буквально на одну минуточку?

– Да ладно, мадам, к черту церемонии, зовите меня просто Митяем! – весело сказал паренек и подмигнул. Лина поняла, что диск-жокей слегка принял на грудь «для вдохновения».

– Вы что-нибудь слышали, Митяй, про смерть известного столичного журналиста Алексея Артюхова? – обратилась Лина к парню, стараясь сохранять приветливо-безразличное выражение лица.

Митяй внезапно помрачнел. С паренька слетел весь недавний кураж, он перестал улыбаться и молча уставился себе под ноги.

– Не слышал и слышать не хочу. – наконец пробурчал паренек, не поднимая глаз. – Я газет не читаю, политикой не интересуюсь, мое дело танцы в санатории обеспечить и как можно больше «бабосов» за лето с дирекции стрясти. Вы, наверное, уже слышали, что у нас в селе, да и во всем рай-

оне другой нормальной работы кроме как в санатории нет. Если по чесноку, то все мы тут одной веревочкой повязаны. Деревенские зависят от дирекции, а она – от нас. Втыкаете? Столичные мэны и вумэны за такие копейки, какие нам тут отсыплют, впахивать не будут. Нема дурных! А уж чинить бесплатно их «убитую» санаторскую аппаратуру... Днем с огнем таких, как я, идиотов не найти. Ладно, извиняй, мать, мне мои копейки не за тренделки, а за танцульки платят. Короче, пошел я работать!

Митяй загасил сигарету и вновь преобразился. Парень, словно профессиональный артист, за пару секунд вошел в прежний сценический образ и опять стал веселым и бесшабашным парнем, истинным королем ди-джеев. Пританцовывая и кокетничая со старушками, диск-жокей отправился обратно на танцпол – «делать вечер».

– Хороший паренек! – сказала Лина внезапно появившейся рядом немолодой даме в вечернем платье. Дама только что сошла с танцпола, чтобы немного передохнуть.

– Да уж, Митяй парень что надо, – отозвалась та неожиданно низким грудным голосом, – и учится, и работает, и матери в доме помогает. А как он классно танцы в санатории проводит! В особенности если кураж поймает, как сегодня. Ну, вы сами все видели. Удивительно, что у беспутной мамы такой качественный сын вырос.

– А что за мамаша такая? – спросила Лина с напускным безразличием, вспомним разговор в комнатухе за сценой.

– Ну, сейчас она почти старухой выглядит, хотя ей и пятидесяти нет. Носит в санаторий огурцы да помидоры с огорода продавать. Не только ее, всех деревенских, запросто пускают в санаторий. Начальство закрывает глаза на нелегальную торговлю, поскольку надо же людям на что-то жить. А то, чего доброго, отдыхающих в номерах обворовывать начнут. Директор, правда, время от времени пытается запретить самостийный рынок возле павильона с минералкой. Каждый раз безуспешно. Да и как его, этот рынок, запретишь, если тут все друг друга с детства знают, а этот крошечный «бизнес» – единственный в здешних краях путь к выживанию.

– А раньше? Чем она раньше-то занималась? – попыталась Лина повернуть рассказчицу к интересующей ее теме.

– Чем-чем... – передразнила Лину собеседница. – Проституткой Марго была, вот чем. Точнее, кем. Я сюда уже лет двадцать пять езжу ради этой их «живой водички», потому как мой организм ее требует. Вот и помню мамашу Митяя в молодости. Ничего такая была, интересная дамочка, впрочем, я и сама тогда не хуже выглядела. Молодость, она, знаете, лучше всех косметологов работает.

– Говорят, Марго была настоящей красавицей...

– Ну, не то чтобы красавицей, скорее, симпатичной девчонкой, – отозвалась дама. – Будь Марго страшненькой, в доверие к сутенерам не вошла бы и не заправляла бы здесь несколько лет подряд как самая настоящая бандерша. А сейчас кому она нужна? У бл@дей короткий век. Все в про-

шлом... И денежки ее, похоже, испарились, раз огурцами за копейки торгует. Неправедно нажитое – оно ведь быстро исчезает. Как говорят в народе, «легко пришло – легко ушло».

– А Митяй? – не отступала Лина.

– А что Митяй? Его бабка растила. Старушка набожной была, парня по монастырям да по церквям таскала, их у нас тут, слава богу, хватает. Одна Оптиная Пустынь чего стоит! Видно, бабушка там внучка-то у Господа и отмолила, чтобы не расплачивался малец потом за мамкины грехи...

– Ну, и дела... – вздохнула Лина. Она наскоро попрощалась с дамой и побрела в свой корпус. Судя по объявлению на двери, его запирали на ключ в 23.00. Было всего 22.15, музыка гремела вовсю, однако танцевать Лине почему-то расхотелось.

Баба Зоя, отметив досрочное возвращение соседки, одобрительно хмыкнула. А потом вдруг робко взглянула на Лину и попросила разрешения посмотреть после отбоя «очень интересную передачу». Про звезд советской эстрады.

– Понимаешь, никак не могу пропустить, – виновато взглянула она на Лину, – там же Лева Лещенко, Сонечка Ротару, Аллка Пугачева – ну, в общем, все свои...

Лина выразительно взглянула на часы и выдержала воспитательную паузу.

– Ну что с вами поделаешь. – сказала она голосом доброй училки и, разумеется, позволила фанатке Лещенко небольшое нарушение режима. С той минуты бабу Зою как буд-

то подменили. До отхода ко сну она оставалась сущим ангелом. Старушка ласково улыбалась Лине и тихонько подпевала Лайме Вайкуле и Анне Вески, чьи давно забытые песни переносили ее в счастливые молодые годы.

Перестройка бабы Зои

Телевизор давно погас, баба Зоя мирно сопела во сне, счастливо улыбаясь. Наверное, ей снилось продолжение концерта «Звезды семидесятых». Лина не спала. Она лежала и размышляла, где найти тот потайной клубок, из которого она сможет вытянуть тонкую нить, чтобы эта ниточка, в свою очередь, привела к виновникам драмы, разыгравшейся на озере. Лина все яснее понимала, что гибель Алексея Артюхова не была несчастным случаем. Парню явно помогли покинуть этот мир. Узнать бы только, кто... Лишь в два часа ночи Лина провалилась в тревожный сон.

В шесть утра баба Зоя открыла глаза. Немножко покряхтела, сидя на кровати, выдержала из вежливости несколько минут, а потом громко спросила Лину:

– Вы не против, если я передвину мебель?

Лина застонала и поинтересовалась, до конца не проснувшись:

– А вы точно сможете?

Работать грузчиком из-за прихоти энергичной соседки она не собиралась.

– А чего тут двигать-то? – раздухарилась баба Зоя. Пока Лина все еще валялась в кровати, старушка ловко переставила столик, маленький телевизор, тумбочку и крошечный холодильник. В номере сразу стало намного уютнее и про-

сторнее. На этом баба Зоя не успокоилась. Она прогулялась на балкон и вынесла жесткий вердикт:

– Балкон не мыли со дня постройки этого, с позволения сказать, санатория. У них там паутина висит, а я свое белье сушить собираюсь. И санузел, как я вижу, отвратительно убирают. Ничего, горничная сегодня же все как надо помоеет, не развалится. Молодая, говорите, Светой зовут?

«Капец тебе, Света, – подумала Лина даже с некоторым злорадством. – Пришел твой час ответить за все».

С чувством выполненного долга баба Зоя врубила на полную громкость «Утреннюю почту» с Валерием Леонтьевым и уселась медитировать в ночнушке напротив телевизора.

Заметив, что Лина поспешно умылась и оделась, а теперь отправляется пить «живую воду», баба Зоя, устало, но дружелюбно махнула ей вслед рукой – как бывалый прораб бесполезному, однако уживчивому и несклочному члену бригады.

«Дааа, побольше бы таких баб Зой во власти, может быть, и в стране бы порядок наступил», – подумала Лина уже за дверью.

Интернет знает не все

«Что же все-таки привело успешного и небедного Алексея Артюхова в этот заповедник инвалидов и пенсионерок? Ответ на этот вопрос помог бы прояснить вторую загадку: кому помешал столичный журналист своим исследованием», – размышляла Лина, привычно устроившись возле бюста Пушкина. Вай-фай на Аллее писателей почему-то лучше всего ловился рядом с русским классиком. Как обычно, с утра под подбородком поэта красовался большой цветок, сорванный кем-то соседней на клумбе – видимо, подарок от поклонницы. Гипсовые бюсты других классиков мировой литературы почему-то никто цветами не украшал. Что ни говори, Пушкин, действительно, «наше все». Лина вспомнила, как одна старушка задумчиво рассуждала на этой аллее про Байрона:

– Красивый мужчина. Англичанин, говоришь? Наши вообще-то не хуже, когда трезвые.

И это были золотые слова.

Лина пробежалась по информационным сайтам, надеясь обнаружить что-то новое о смерти Алексея Артюхова, однако интернет выдавал ту же скучную версию, которая была напечатана в «Кутузовце».

«Странное дело, – размышляла Лина, – когда убивают столичного корреспондента на журналистском задании, его

коллеги стараются опередить друг друга и выдают одну версию невероятнее другой. А здесь – заговор молчания. Почему никто из коллег Артюхова до сих пор не примчался в санаторий? Далеко? «Гнилая отмазка», как они сами любят говорить! От столицы до санатория – каких-то четыре часа... Для хорошей машины не расстояние. Похоже, кто-то очень влиятельный и властный притормаживает главных редакторов и телепродюсеров, настоятельно советуя им не направлять репортеров к месту гибели Артюхова. И еще одна странность. Почему версия провинциального следователя не вызвала подозрений в столице? Как говорится, «следствие закончено, забудьте». Так назывался один давний французский фильм, в котором добро отнюдь не побеждало зло. Похоже, эта формула до сих пор не устарела...».

Прямая связь с небесами

Не найдя ответа ни на один вопрос, Лина отправилась завтракать.

Перед входом в столовую экскурсовод местного турбюро Татьяна Львовна громко рекламировала экскурсии по Тульскому краю. Одновременно она декламировала стихи Есенина, ухитряясь еще и раскланиваться с завсегдатаями коллективных путешествий.

– Брошу все, отпущу себе бороду и пешком пойду по Руси, – обещала Татьяна Львовна, размахивая ручкой над гроссбухом, в который бойко записывала желающих.

Экскурсовод была одета в летний брючный костюм в легкомысленный цветочек, а на голове у нее красовалась забавная соломенная шляпка с ушками, как у мультяшного зверька. Тем не менее, дама была при исполнении и вид имела весьма серьезный, потому что вписывала полученные от отдыхающих деньги в свой потрепанный гроссбух, а затем выдавала «путевки» на маленьких клочках бумаги.

Лина представила себе хрупкую Татьяну Львовну с длинной бородой, как у ее земляка Льва Толстого, и невольно улыбнулась. Она заглянула в ее тетрадку и поняла, что желающих попасть в Ясную Поляну, к сожалению, не наблюдается. Видимо, отдыхающие считали, что два часа в душном микроавтобусе – слишком большая плата за то, чтобы

припасть к истокам создателя «Анны Карениной» и «Войны и мира». Зато списки желающих отправиться по святым местам пополнялись довольно бойко. Пациенты лечебного корпуса, вероятно, надеялись закрепить результаты лечения при помощи высших сил. Лина подумала и решила примкнуть к паломникам, записавшимся на завтра в Оптину Пустынь. А что? Вдруг повезет, и удастся узнать в монастыре что-то новое про Митяя и про его непутевую мать?

У Лины имелся еще один, очень личный, резон отправиться по святым местам. Поймав не без труда на Аллее писателей интернет, она на минуточку заглянула в Фейсбук. Известный журналист и блогер Иван Теличко написал в ее френд-ленте, что «Бог есть, просто он на пенсии». Крамольное заявление журналиста, разумеется, не было банальным богохульством. Лина знала, что любой топ-блогер ради красного словца не пожалеет и Бога-отца... Вот и Теличко решил эффектной фразой ворваться в фэйсбучную дискуссию вокруг пенсионной реформы.

«Земное расследование временно зашло в тупик. Остается надежда на силы небесные. Поеду в монастырь! Бог есть, и он все видит! Давно пора дать отпор скандальному френду Теличко, завоевавшему популярность в Сети благодаря сомнительным парадоксам и ловкому вворачиванию матерных слов», – подумала Лина. Она смирилась с тем, что из-за паломничества в монастырь придется потерять целый день лечения. Санаторий переполнен пенсионерами, все часы про-

цедур строго распределены между отдыхающими... Однако Господь, видимо, одобрил ее благочестивые намерения и сразу же сотворил небольшое чудо. Медсестра Наташа в лечебном корпусе внезапно предложила: «А давайте-ка перенесем ванночку для ног с завтрашнего дня прямо на сейчас!» Но это было только начало. Другая медсестра – Людмила оставила Лину без присмотра и ушла пить чай. Прежде такое никогда не случалось. В итоге Лина принимала «вихревую» ванночку для ног, кстати сказать, весьма приятную, не десять минут, как обычно, а целых полчаса. Довольно симпатичный бонус, между прочим!

Короче говоря, в тот день все свидетельствовало о том, что Лина недаром записалась в паломническую поездку, и что Господь всецело поддерживает ее в этом благом намерении. Кстати сказать, вопрос о том, не ушел ли Бог в наши дни на пенсию, волновал Лину не меньше, чем ее френда Ивана Теличко. Она очень надеялась, что Господь явит ей и другим скромным паломникам хоть какое-нибудь, пусть самое маленькое чудо. Впрочем, если бы Господь оставил в России прежним пенсионный возраст, вот это было бы настоящим чудом! Однако совладать с российской пенсионной реформой даже высшим силам оказалось не по плечу...

Путь в Оптину Пустынь оказался недолгим, а природа за окном микроавтобуса – по-летнему прекрасной. Между прочим, классикам русской литературы было не в пример сложнее туда добираться. Лев Николаевич аж из Ясной Поляны

пешком ходил, хотя путь неблизкий, Федор Михайлович в кибитке в монастырь приезжал – со старцами советоваться. Ну, а потом, как положено писателям, оба классика перенесли свои впечатления в великие книги. Короче говоря, экскурсантам не грех было потерпеть и духоту, и микроавтобус, подпрыгивавший на всех рытвинах и ухабах, потому как цель их поездки была намного выше незначительных земных неудобств.

Присутствие Бога было разлито в монастыре буквально повсюду. Оно ощущалось в намоленных за столетия храмах, в советское время полуразрушенных и отреставрированных только в девяностые, когда из Оптиной убрали сельскохозяйственное ПТУ. Присутствие Господа чувствовалось и в прекрасных цветах, над которыми вились пчелы, и на тихом кладбище с могилами настоятелей и монахов... Нет, Господь отнюдь не пребывал на пенсии, как кощунственно предположил Иван Теличко. Напротив, Всевышний действовал в ногу со временем. Лина увидела этому сразу несколько доказательств. Во-первых, все монахи ходили по Оптиной со смартфонами. А с кем может общаться человек, который отрекся от всех мирских проблем? Вот именно, ни с кем, только с Всевышним. Видимо, как в старом анекдоте, связь с Ним в монастыре прямая, без коммутатора. Во всяком случае, вай-фай в храмах и на территории монастыря работал явно лучше, чем в санатории. Лина с изумлением увидела, что иеромонах, прежде, чем принять исповедь у паломника,

вначале прочитал все входящие сообщения в своем айфоне и только потом величаво произнес: «Внимательно слушаю тебя, сын мой». Лина поспешно отошла в сторонку, чтобы не нарушить тайну исповеди. Хотя какие тут тайны? По хитрой и одновременно обаятельной мордахе молодого паломника было видно, что паренек регулярно нарушает заповедь «не прелюбодействуй».

Когда иеромонах отпустил юному прихожанину грехи и тот наконец направился к выходу, Лина решилась задать вопрос, ради которого приехала в обитель:

– Святой отец, вы случайно не помните молодого парня Митяя из санатория имени Ленина? Мне рассказывали, что он раньше сюда частенько приезжал.

– Как же не помнить, помню, – вздохнул иеромонах, немного подумав. – Дмитрий и сейчас нас не забывает, приезжает на исповедь и причастие. С детства он с бабушкой сюда паломником приходил. Спасибо ей, мальчик вырос набожным и по-прежнему печется о своей душе. А что с Митей?

– Да с ним-то ничего, а вот мать его Маргариту почему-то добром никто из односельчан не поминает.

– Об этом, дочь моя, в Писании сказано: «Кто безгрешен, пусть кинет в нее камень». Маргарита, кстати сказать, при крещении она получила имя Мария, в молодости грешила лихо. Но прошли годы, заблудшая овца раскаялась и стала примерной прихожанкой соседнего храма Николая Угодни-

ка. К нам на службу тоже нередко приезжает, святую воду из источника берет.

– Батюшка, благословите на поиски истины. В нашем санатории погиб молодой журналист из Москвы. Боюсь, что случился грех убийства – вздохнула Лина. – Вот я и думаю, не связано ли преступление как-то с Маргаритой, матерью Митяя.

– Смиритесь, матушка Ангелина. Все это дела давно минувших дней. Вообще-то на ваш вопрос только полиция сможет ответить, – пожал плечами иеромонах.

Насельник монастыря перекрестил Лину и дал понять, что беседа окончена. Мол, богу богово, а полиции – полицейское. Монаха призывали к себе мирские дела. В кармане его старого подрясника давно уже шмелем жужжал-надрылся вибробзвонок айфона.

Лина попрощалась со слугой Господа, активно использующим гаджеты в работе, и поспешила за своей туристической группой – слушать о чудесах, с завидной регулярностью происходивших в монастыре по сей день.

Еще одним доказательством того, что Господь не ушел на пенсию, а трудится изо всех сил, стало для Лины сообщение козельского экскурсовода Александра Николаевича. Он доложил группе, что всех старцев из оптинского скита не так давно отправили на повышение. Старец Илия проживает теперь в поселке Переделкино под Москвой и исповедует весьма важных персон, а второй старец, Власий, прини-

мает страждущих в городке Боровске Калужской области. В общем, Господь и поныне трудится в поте лица, выстраивая свою вертикаль.

Ну, а третьим и самым главным доказательством активной работы Господа стало для Лины то, что Господь вразумил ее. В монастыре Лину вдруг осенило, что в этот провинциальный санаторий она попала не случайно. Испытание, посланное свыше, помогло почувствовать главное. Пообщавшись в первые дни с инвалидами-колясочниками, с матерями детей-аутистов и с больными стариками, она поняла, что ее жизнь по сравнению с их ежедневной борьбой за существование весьма легка и приятна, так что гневить Господа унынием – грех. С подобными смиренными мыслями Лина возвратилась к ужину в санаторий, не подозревая, что главные встречи и открытия у нее впереди.

Правнучка хана

Вечером Лина заметила у входа в корпус знакомую пожилую даму в инвалидной коляске. Вспомнила, как бойко та пела под баян вместе с хором бабушек. Почти стемнело, однако на даме по-прежнему была кружевная белая шляпка и нарядная легкая кофточка, украшенная ниткой морского жемчуга. Ее помощницы нигде не было видно. Рядом с дамой в шляпке сидела баба Зоя и утешала калеку, как могла.

– Ушла! – возмущалась дама в коляске. – Опять усвистала! Бросила меня, беспомощного инвалида, и помчалась на танцы. Чтоб ей, засранке деревенской, околеть на танцплощадке! Совести нету! Ни капельки! А вдруг за то время, пока она ж@пой под музыку крутит, мне что-нибудь понадобится?

– Не шуми, Надира, скоро твоя чучелка явится, – подала голос баба Зоя. В ее уверенных интонациях чувствовалось знание жизни. – Как миленькая прибежит с поджатым хвостом. Сама подумай, кто ее, страшилку этакую, приглашать на танец станет? А у стенки стоять – удовольствие маленькое. Я, например, принципиально не хожу на эти танцы-шманцы. Глазеть, сидя на лавочке с палкой, кто там и как отплясывает и с кем шуры-муры крутит – это не по мне. Сплетничать на скамейке не люблю. В былые годы я сама танцевала так, что пол под каблуком трещал! От кавалеров отбоя не было.

– А ко мне в молодости богатые женихи сватались. – неожиданно похвасталась Надира. – Я ведь правнучка татарского хана.

– И кому ты дала? Ну, я имею в виду, дала согласие? – любопытствовала баба Зоя, зевнув. Видимо, она слушала эту историю не в первый и даже не во второй раз.

– Кому дала, тот слова доброго не стоит. Все быстро промотал, скотина. А потом вообще спился и умер. Хорошо, что мне от родителей кое-что досталось. Не только сиделку могу себе позволить, но еще и домработница убираться раз в неделю приходит.

Баба Зоя исподтишка взглянула на часы. Лина вспомнила, что вечером по России 1 обещано «Петросян-шоу». Неудивительно, что соседка по комнате стала тяготиться общением болтливой старухи.

– Ступайте, Зоя Ивановна, в номер, поздно уже, – предложила Лина. – Я тут с уважаемой Надирой посижу, дождусь ее помощницу, а заодно и свежим воздухом на ночь глядя подышу.

Надире, похоже, не слишком понравилась внеплановая «смена караула», однако восточно-льстивое «уважаемая» сработало, и она натянуто улыбнулась Лине.

– Вы здесь в первый раз? – завела Лина светский разговор, поскольку долго молчать было невежливо.

– Ээээ, милая, я в этот санаторий приезжала, когда вы еще в школу бегали, – надменно процедила «татарская ханша».

– И что, как тут раньше было? – спросила Лина, чувствуя, что усталость с нее мигом слетела, словно и не было длинного жаркого дня и утомительной поездки в микроавтобусе. Блеснула надежда, что старуха кое-что знает о прошлом Санатория имени Ленина?

– В советские годы сюда было не попасть, – Надира распрямилась в кресле и как-то даже посветлела лицом, словно вернулась в молодость. Глубоко вздохнув, она продолжала. – Этот санаторий считался одним из лучших в нашей средней полосе, если не считать разные номенклатурные «архангельские» да «барвихи». И врачи, и процедуры – все было на высоте, не говоря уже о волшебной водичке, которую еще в царские годы тут обнаружили и стали ею поначалу дворян лечить, а после семнадцатого года – красноармейцев и членов профсоюза. Ну, а в девяностые... Сами знаете – перестройка, разруха и повсеместный бардак. Государство внезапно прекратило финансировать бывшую «всесоюзную здравницу». Постепенно корпуса стали приходить в негодность и разрушаться на глазах. Дирекция ухитрилась этот санаторий приватизировать, однако, как выяснилось, напрасно. Продать огромный земельный участок собственник так и не смог – жалкие остатки местных профсоюзов стояли на смерти. Впрочем, они до сих пор не изменили свое решение, а их лидеры, сжав зубы, держат последний рубеж обороны прав трудящихся и не дают разрешение на продажу этого «рая» совкового типа. Работникам тульских и калужских

предприятий раз в три года выделяются бесплатные путевки. Последние пару лет Москва своих пенсионеров сюда присылает, спасибо мэру Собянину. На московских бюджетных денешках они и держатся. Кстати сказать, я тоже сюда по социальной путевке приехала, как инвалид первой группы. Этой шалаве Эльмире, моему, с позволения сказать, сопровождающему лицу, между прочим, поездку в санаторий тоже соцзащита оплатила. В итоге эта дрянь разгулялась на всю катушку и вместо того, чтобы обо мне заботиться, шляется на танцы...

Лине не терпелось вернуть Надиру в прошлое, и она осторожно спросила:

– А как же этот санаторий в «лихие девяностые» выкручивался? На какие шиши, например, они лечебный корпус ремонтировали?

– Известно, на какие, – неожиданно подмигнула Лине старуха. – построили при водолечебнице сауну, купили диваны, ковры, холодильник и хрустальные стопки для водки. Где сауна, там, конечно, и водка, и девки. Впрочем, милая моя, в те годы я здесь не лечилась, а работала. В бухгалтерии. Помимо обычных для бухгалтера обязанностей я еще и черную кассу вела. Однажды наше начальство не расплатилось в срок с «крышей», и бригада бандитов устроила разборки прямо в кабинете директора. Как назло, шеф и меня на эту «стрелку» пригласил, чтобы я подкрепила гарантийными письмами его очередное «честное слово»: мол, день-

ги непременно будут, но только на следующей неделе. Он в тот год собственный дом в поселке строил, и все денежки туда уплывали. К тому времени он за окна и двери расплатился, а на откат «крыше» не хватило. Для бандитов все это, по их словам, были «гнилые отмазки». Доводы директора и тем более мои обещания братки слушать не стали, тут же стрельбу открыли. Первая же пуля убила директора, а вторая рикошетом угодила мне в позвоночник. Нижнюю часть тела сразу же парализовало, вот с тех пор и катаюсь по жизни в этом чертовом кресле.

– Дааа, жуткая история, – помолчав, сказала Лина. – Как в фильмах про итальянскую мафию. Извините, но почему спустя столько лет вы решились опять сюда приехать? Насколько мне известно, в соцзащите предлагают путевки в разные лечебно-оздоровительные учреждения. А вы прямо-таки в Санаторий имени Ленина отправились. Не боитесь теней из прошлого?

– А чего их бояться? – пожала Надира плечами. – Все «братки» давно друг друга перестреляли и рядком на местном кладбище улеглись. А в этой «богадельне» мне все подходит: и климат, и природа, и минеральная вода, и лечебные ванны. Главное, водные процедуры хоть ненадолго, но помогают, даже чувствительность ног на какое-то время восстанавливается.

– Интересно, кто-нибудь из местных старожилов помнит вашу страшную историю? – спросила Лина, стараясь изо

всех сил, чтобы голос не дрожал от волнения.

– Я вас умоляю! Кому и что тут помнить? Из «стареньких» никого уж не осталось, – вздохнула Надира. – Персонал санатория за эти двадцать лет не один раз поменялся. Хотя... постойте... Я вчера Марго видела. Она сказала, что каждый день перед обедом и ужином огурцами у столовки торгует. Маргошка в тот роковой для меня день в кабине директора тоже присутствовала, но во время перестрелки в шкафу спрятаться успела. Она всегда сообразительной была, сучка драная, это ей жизнь и спасло.

Внезапно старуха повернулась к Лине и взглянула на нее в упор:

– Зачем вам с этой бл@дью о прошлом разговаривать, – строго спросила она. – Захотелось нервы пощекотать? Было – и прошло, и ни к чему те давние дела ворошить. К тому же Марго по-любому не станет вытаскивать на свет божий давно забытые скелеты из пыльных шкафов, не захочет сына позорить.

– Надира, только один вопрос. Что вы думаете о смерти столичного журналиста? Верите ли вы, что парень действительно утонул в озере? – Лина решила, что ни за что не позволит старухе слезть с интересовавшей ее темы, и продолжала сыпать вопросами.

– С тех пор, как в девяностые я попала под раздачу... под раздачу пуль, стараюсь ни о чем подобном не задумываться. Голова целее будет, – заявила старуха, поджав губы. Внезап-

но она заметила на дорожке свою помощницу в белых брюках. Стразы на китайской футболке Эльвиры сверкали и переливались в свете фонаря всеми цветами радуги, и хозяйка кофточки с гордостью поглядывала на эту красоту. Надира громко и властно подозвала помощницу и потребовала немедленно закатывать инвалидное кресло в корпус. Эльвира, тихо ворча под нос проклятия в адрес хозяйки, неохотно подчинилась.

Лина заметила, что у подъезда стало совсем темно, и тоже отправилась восвояси.

Баба Зоя смотрела старые выпуски передачи «Аншлаг, аншлаг!» и посему пребывала в прекрасном настроении. Нафталинные шутки Петросяна и Компании веселили ее не меньше, чем стендапы «Камеди клуб» молодую аудиторию. Как говорится, каждому овощу свое время. Лина разрешила соседке не выключать телевизор и мышкой нырнула под одеяло. Она находилась под впечатлением от рассказа Надиры и собиралась тщательно обдумать новые факты, но сразу же провалилась в глубокий и тревожный сон.

Пенсия раздора

После завтрака Лина зашла в фито-бар, чтобы выпить чаю на травах и заглушить шоколадкой послевкусию от санаторской еды, очень напоминавшей больничную. Внезапно она услышала грохот и вздрогнула от неожиданности. Мужчина за соседним столиком с громким стуком поставил на столешницу пустую чашку и обратился к Лине с гневным монологом:

– Думало-думало наше правительство, как бы народ еще поприжать, и надумало: мол, надо в шестьдесят не на пенсии прохлаждаться, а работать. Типа этот мой «серебряный» возраст – самый расцвет для мужчины. Допустим, я такой дурак, что поверю в этот бред. Только где работать-то? Вот устроился недавно охранником, но даже месяц не продержался. Ночью школьники написали снаружи над входом слово из трех букв. Дети, что с них возьмешь? Хозяин разбираться не стал и тут же меня уволил. Я предлагал ему лично все закрасить, но он, собака, не согласился. Это п@здец! Никуда не берут. Что мне теперь в пятьдесят восемь делать – бомжевать идти? Вот иногда захожу в буфет к сестре. Она хоть чашку чая нальет, а когда добрая – даже пирожком угостит.

Лина слушала гневные слова мужчины и думала, что один из классиков на Аллее писателей особенно строго взирает на

наш жестокий мир из-под густых бровей. Максим Горький сто лет назад писал свои книги в защиту бедных и обездоленных, но с тех пор отношения хозяев и наемных работников мало изменились. У простого человека на Руси по-прежнему нет ни денег для достойной жизни, ни веры в справедливость. Да какая уж там справедливость, если у обычного труженика, проработавшего всю жизнь на благо Отечества, не пенсия, а сплошные слезы. Обитатели санатория в последние дни рассказывали Лине немало подобных историй. Она начала понимать, почему левое движение в последнее время усиливается по всему миру, и призрак коммунизма начинает опять активно шататься по Европе, вспомнив, видно, как бродил там сто лет тому назад.

Между тем оратор, уволенный за слово из трех букв, по-прежнему сидел за соседним столиком. Видимо, ему хотелось по-русски излить душу первому встречному, и Лина, к ее несчастью, подвернулась под руку. Внезапно незнакомец заговорил, перемежая речь рабочим матерком, о том, как стоял в августе 1991 на баррикадах у Белого дома:

– Да если бы я, блин, только знал, чем вся эта гребанная «демократия» обернется! Разве стал бы я своей жизнью рисковать? Хренушки! Ради кого мы шли на баррикады и готовились умереть? Ради олигархов с их дворцами и яхтами? Чтобы Чубайс, построивший дворец для своей знаменитой жены-режиссерши, предлагал народу всем нашим миллиардерам в ножки поклониться? Типа они вытянули страну из

болота в девяностые. Вытянули, бл@ть! Или чтобы этот рыжий черт упрекал нас, что мы мало за электричество платим? Пусть лучше ответит, гаденыш, где мой ваучер? Эх, жаль, что в этом фито-дрито баре водку не продают. Чаем горе не зальешь, нужен другой, сильный антидепрессант. Понимаете, тошно от этих гребанных мыслей! Анестезия для души нужна! В общем, чую, по-любому придется в ларек за территорией тащиться. Без нее, без родимой, без нашего сорокаградусного антидепрессанта, совсем херово, – сделал неожиданный вывод незнакомец и, махнув рукой, направился к выходу.

В фито-баре вдруг заработал вай-фай, и Лина по привычке заглянула в Фейсбук. Любознательный френд Иван Теличко успел накидать кучу вопросов насчет ее пребывания в Санатории имени Ленина. Поболтавшись в тучные времена по заграницам, популярный блогер в последний год не вылезал из своего коттеджного поселка и изрядно оторвался от действительности. Теличко особенно волновала тема курортных романов и случайных связей в социальном санатории, где основному контингенту 60+. Лина быстренько отапортовала Ивану в Фейсбуке, что корпуса закрываются в 23.00, в подъездах дежурит бдительная охрана, поэтому в санатории, как говорила одна дама в советскую эпоху, «сека нет».

Вскоре жизнь внесла в ее наивные представления существенные коррективы. После обеда Лина решила прогулять-

ся в местную аптеку за туалетной бумагой. Этот предмет гигиены был в номерах в страшном дефиците. Видимо, персонал санатория пипифакс вообще не покупал, предпочитая брать туалетную бумагу для дома, для семьи на рабочем месте, невзирая на то, что она больше походила на мелкий наждак серого цвета.

Аптека удивила Лину многообразием выбора. Самый большой отдел расположился в витрине под табличкой «Для мужчин». Там была и виагра, и другие подобные средства под названиями «Ловелас», «Максигра» и «Динамико».

– И что, это все пользуется спросом? – поинтересовалась она у аптекарши с любопытством исследователя. – Контингент-то здесь, сами знаете, какой. Шестьдесят плюс! Да еще у каждого второго инвалидность.

– А то! – процедила аптекарша сквозь зубы – Все продается. Еще как берут.

Аптекарша почему-то взглянула на Лину с неприязнью и, захлопнув окно, вывесила на нем табличку «Обед».

Над санаторием разливался хрустальный голос Анны Герман: «А он мне нравится, нравится, нравится»... В общем, Лина явно поспешила делать выводы о том, что пенсионеры санатория чужды плотских удовольствий.

Ближе к вечеру выяснилось, что тема разврата в Санатории имени Ленина живо интересуется не только Ивана Теличко, но и бабу Зою. Соседка по комнате сочла своим долгом предостеречь Лину от вечерних прогулок по территории и

от легкомысленных танцев на открытой веранде. Глядя Лине прямо в глаза, баба Зоя проинформировала, что к вечеру в санаторий стекаются местные мужчины «в поисках сомнительных удовольствий».

Как обычно, соседка оказалась права. Первый сомнительный кавалер подвалил к Лине еще на подходе к танцплощадке – все на той же Аллее писателей. Как раз в ту минуту, когда Лина сидела у бюста Куприна и раздумывала, как бы разговорить Марго на тему ее темного прошлого. Впрочем, Надира была права: бывшая проститутка вряд ли захочет говорить с незнакомкой о давних грехах, которые все эти годы безуспешно пытается забыть.

«Эх, Александр Иванович, как мне вас сейчас не хватает! Сами-то вы, небось, умели разговаривать с женщинами подобного сорта! Иначе «Яму» бы в жизни не написали. Вы ведь и репортером были первоклассным, и очеркистом, и романистом. В общем, запросто разговорили бы местных старожил и с легкостью выведали бы у них все, что творилось здесь в «лихие девяностые».

Не успела Лина закончить мысленный диалог с Куприным, как из кустов, словно чертик из табакерки, вынырнул сухопарый дедок в заливхватки заломленной «ленинской» кепке. Потрепанные пиджачок и брюки сидели на нем мешковато, зато были тщательно отутюжены, а старенькие ботинки явно познакомились с гуталином и бархоткой. Похоже, незнакомец тщательно подготовился к поиску «сомни-

тельных удовольствий», которыми пугала соседку баба Зоя. Впрочем, ничего сверх своего опрятного вида этот кавалер предъявлять даме не собирался. Нет, чтобы подкатить с мороженым из сельпо или с приглашением поесть шашлычка из кур. Этот деликатес готовился прямо на территории санатория в открытом кафе и манил ароматами измученных диетами отдыхающих. Не тут-то было! Суровый незнакомец, прибывший на отдых, как оказалось, из Калужской области, с ходу стал вскрывать перед Линой социальные язвы в районе его проживания. Видимо, интуитивно угадал в одиноко сидящей даме терпеливого слушателя. Лине в конце концов надоело притворяться заинтересованной и она, правда, не без труда остановила поток красноречия мужчины, чтобы повернуть разговор в сторону интересовавшей ее темы:

– Скажите, уважаемый, вы здесь в первый раз отдыхаете?

– Как же, в первый... в сто двадцать первый. – проворчал мужчина. – А куда еще податься, с моей-то пенсией и с зарплатой слесаря? Получаю раз в три года на предприятии льготную профсоюзную путевку и айда сюда, натруженную алкоголем печень промывать. Она от этой ихней волшебной минералки буквально молодеет.

– «Их минералки», – автоматически поправила Лина незнакомца, как привыкла поправлять своих малышей в «Веселых утятах».

– Ихней! Как привык, так и буду говорить, – взбунтовался дедок. – Суть-то, позвольте заметить, не в словах. А в том,

что местная водичка мою пропитую печень натурально в порядок приводит.

– Представляю, как вы пили и пели-плясали здесь в девяностые! – улыбнулась Лина.

– А то! – приосанился мужчина. – На этой танцплощадке такие романы закручивались! Не то что сейчас – фитнес для пенсионеров. Ложьте ваш телефон, мадам, и послушайте, что я сейчас расскажу.

– Кладите, – опять автоматически поправила его Лина.

– Будете придирайтесь к словам, вообще ничего не услышите. – насупился дед и залихвацки надвинул выгоревший на солнце кепарик на лоб.

– Не обижайтесь, пожалуйста, это я так, по привычке, – извиняющимся тоном сказала Лина. – Я ведь педагог по музыке, детей учу. Бывает, и взрослых автоматически поправляю. Это называется «профессиональная деформация». Ладно, проехали. Расскажите лучше, что здесь было раньше. Может, вы и Марго помните? – поинтересовалась она без особой надежды на давно пропитую память ершистого пьянчужки.

– Кто ж Марго не помнит? – в глазах мужчины мелькнула игривая искорка. – Эта фифа в те годы многие вопросы тут решала, местные подхалимы даже называли ее «Королева Марго».

– Что, и впрямь хороша была? – уточнила Лина.

– Врать не буду, Маргарита была очень интересной дамоч-

кой, — вздохнул дедок, — только мне не по зубам...

— В смысле? — Лина сделала вид, что не поняла, хотя, уже догадалась, каким будет ответ.

— У меня таких деньжищ, чтобы с Марго замутить, отродясь не водилось, — неохотно признался мужчина. — К ней больших шишек из Москвы возили. Или, если хотите, бандитов, в то время это было практически одно и то же. Про шикарную сауну, которая начинала работать после отбоя в санатории, здесь только перешептывались, а вслух говорить боялись. Местные бандиты могли так за болтовню проучить, что потом оставался один путь — на кладбище.

— А кто крышевал их в то время? — тихо спросила Лина, не надеясь получить ответ.

— Говорили, что полицейские из Москвы, — пожал плечами мужчина. — тогда их, впрочем, называли милиционерами. А по мне, так эти субчики, если честно, с тех пор мало изменились, как их ни назови.

— Не помните, кто в то время командовал в сауне? — спросила Лина.

— Ну, сия тайна мне не известна, — пробурчал дедок и добавил, — а если бы и знал, то ни за что не сказал бы, поскольку в ближайшее время помирать не собираюсь.

— Почему вы все их так боитесь? Столько лет прошло, те менты и бандиты давно уже не при делах. Кто на пенсии, кто в могиле, все давно быльем поросло... — тихо сказала Лина.

— Много вы понимаете! — махнул мужчина рукой. — Мерт-

вые не любят, когда их беспокоят. Вы приехали и уехали, а мне потом за вашу болтовню расплачиваться.

Он франтовато прикоснулся к козырьку кепки, дав понять, что разговор окончен, и заковылял прочь. Внезапно деккер обернулся и негромко сообщил:

– Есть тут один... бизнесмен, прости господи. Пашкой зовут. За воротами санатория ларек держит. Он-то молодой, а вот Колян, его папаша, тот в былые годы здешней сауной управлял. Был, так сказать, местным авторитетом. Этот старый хрыч много чего должен помнить. Если на разборках да на «стрелках» другие бандюки ему память не отбили. Болтают, что московский журналист, ну тот, который в озере утонул, первым делом к нему заявился. И что? Где теперь тот столичный писака? В морге? Вешают лапшу на уши, что он в нашей луже захлебнулся. Так я и поверил! Мой вам совет, мадам: лучше не лезьте в это мутное дело и не задавайте лишних вопросов. Целее будете!

Мужчина сердито зашагал прочь, в поисках менее опасных «сомнительных удовольствий». Лина осталась размышлять на скамейке о тайнах Санатория имени Ленина. Гипсовый Куприн вопросительно взирал на нее цепким взглядом по-татарски прищуренных глаз.

Бизнес по-деревенски

Ларек, представлявший собой вагончик на колесах небесно-голубого цвета, раскалился под лучами июльского солнца и был в этот полуденный час практически пуст. Обитатели санатория проводили тихий час в тени аллей и в прохладе корпусов. Продащица дремала за кассой, положив голову на полные белые руки. Внезапно дверь со стороны служебного входа резко распахнулась, и в ларек влетел высокий парень в выдавших виды спортивных штанах и в вылинявшей голубой футболке, плотно обтягивавшей его могучий торс. Парень был разгорячен физической работой, на футболке его проступили темные пятна пота, а глаза диковато посверкивали в полумраке ларька.

– Валентина, кончай дрыхнуть, принимай товар, – рявкнул бугай, неприветливо зыркнув в сторону единственной покупательницы.

– Здравствуйте, – Лина улыбнулась как можно приветливее и, словно что-то вспомнив, спросила: – А вы случайно не Павел?

– Случайно, Павел, – неохотно согласился детина, поправив золотую цепь на шее, – а вы-то откуда меня знаете?

– Ну, Павел, вы же в деревне живете, здесь все про всех знают, – Лина старалась, чтобы ее голос звучал как можно естественнее и дружелюбнее, однако сельский негоциант на-

сторожился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.